Екатерина Соловьева
Переломный момент
18+
Любовь. Лето. Питер

Екатерина Соловьева
Переломный момент

https://litres.ru/74534034
SelfPub; 2026

Аннотация

«Теория столкновений, вопреки всем законам, работает на притяжение»

Дарина и Никита учатся в одном университете, но совершенно не замечают друг друга. Она - тихоня-отличница, которая подрабатывает в библиотеке и любит читать книжки. Он - избалованный мажор, который участвует в закрытых гонках, постоянно влипает в драки и прогуливает пары. Они слишком разные, и их миры не должны были пересечься, если бы не один переломный момент. Теперь Никита обязан исполнять роль «няньки», а Дарина вынуждена терпеть его общество. Им нужно продержаться вместе всего четыре недели. Главное за это время не сойти с ума и не влюбиться.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	63
Глава 6	80
Глава 7	97
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Екатерина Соловьева
Переломный момент

Посвящается всем хулиганам и хулиганкам,
о которых писали Асадов, Есенин и Гафт.

Плейлист

Комната культуры – Привет
HOLIDAYBOY – Я не буду твоим другом
HOLIDAYBOY – Выстрел
HOLLYFLAME – красками
Ваня Дмитриенко – Шелк
NAVAI, MONA – Есенин
MACAN – Май
The Man Who – Bet on You
DJ Shadow, Dennis Joel – Six days
2 Chainz, Wiz Khalifa – We own it

Глава 1

«…Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я»

Закрываю сборник стихов и мечтательно устремляю взгляд вдаль. Там, словно прекрасные невесты, одетые в нежные белые наряды, стоят вишни, яблони и сливы. Их аромат, сладкий и тягучий, как карамель, наполняет комнату, стоит мне открыть окно. Именно поэтому я так люблю май – цветущий, пьянящий и по-настоящему вдохновляющий.

Поглаживаю кончиками пальцев стоящие в вазе ирисы и возвращаюсь к книжным полкам. Внимательно изучаю корешки своих любимых произведений, пока не нахожу место для сборника стихотворений Есенина. Книга встает между Ахматовой и Гумилевым. Разглядываю свою Серебряную коллекцию и размышляю над тем, кого из поэтов выбрать следующим, когда раздается стук в дверь.

– Тут-тук.

– Привет, дед, – улыбаюсь я.

– Как настроение?

– Боевое!

– Моя школа, – одобрительно хмыкает дедушка. Он пересекает комнату и встает напротив окна. Ему, как и мне, нравится открывающийся вид.

По строгому темному костюму понимаю, что он зашел сообщить, что снова уезжает на важную встречу. Дедушка деловито поправляет запонки и поворачивается ко мне.

– Последние учебные недели?

– Ага, – киваю я. – А потом начнется удивительная пора сдачи зачетов и экзаменов.

– Я не сомневаюсь, что ты все сдашь. Благо, усердностью в учебе ты пошла не в нас с отцом, а в свою маму.

Это мимолетное напоминание болезненно отзывается в груди. Прошло столько лет, а я до сих пор не могу говорить о родителях без надрыва.

– Я вот зачем зашел, – откашливается дедушка, тоже на миг поддавшись печальным воспоминаниям. – Мне нужно на пару дней съездить в Москву. Наша компания заключает важную сделку. Мы выиграли тендер на постройку жилого комплекса.

– Ух ты! Это здорово, – радуюсь я.

– Да, неплохо, – скупо улыбается он. – Ты простишь мое очередное отсутствие?

– О чем речь? Конечно, дедушка. Это же твоя работа. Тем более ты сам сказал, что сейчас идут последние недели в университете. Нужно подбить все долги.

– Какие еще долги? Уверен, ты давно получила всевозможные автоматы и просто ходишь на пары ради приличия.

Это правда.

– Ну не совсем, – уклоняюсь от ответа я.

– Ладно, грызи гранит науки. Деньги на карманные расходы есть?

– Есть.

– На бензин?

– Есть.

– На котлету в столовой?

– Ну деееед! – со смехом тяну я.

– Хорошо, – губы дедушки растягиваются в улыбке, от которой по лицу разбегаются мелкие морщинки. – Понял. А что с дверью? Давай я позвоню хорошим людям, они тебе мигом все починят? А в университет тебя пока Егор повозит?

– Да не нужно, – отказываюсь от помощи я. – Там ничего страшного, просто почему-то сигнализация не блокирует пассажирскую дверь. Но я ничего ценного в салоне не оставляю, тем более сейчас везде камеры, никто в машину не полезет. Вот уйду на каникулы, тогда и отдам в сервис.

– Ты слишком легкомысленно относишься к своей безопасности, – недовольно качает головой дедушка, потирая ладонью щеку. – Мне это не по душе.

– Да брось, мы же живем в цивилизованном мире. Что может случиться?

– Если я начну этот список, ты меня не остановишь.

– Не надо, прошу! – со смехом складываю ладони вместе и шуточно кланяюсь.

Рассмеявшись, дедушка целует меня в макушку и выхо-

дит из комнаты. Я снимаю с плечиков пиджак, поправляю рубашку и разглаживаю складки на юбке. Возвращаюсь к книжному шкафу, быстро выбираю книгу, кладу ее в сумку и выхожу из комнаты. Услышав громкий топот, хватаюсь рукой за перила, чтобы не упасть с лестницы.

– Привет, мальчики, – ласково треплю за ухом сначала Сэма, затем Дина. – Привет, мои маленькие лабрадорчики.

«Маленькие лабрадорчики» достают мне почти до пояса, но я упрямо вижу в них милых щенков, а не больших пушистых собак. Мне приходится задержаться, чтобы погладить своих любимцев, и лишь после этого я выбегаю из дома. Не люблю опаздывать, поэтому всегда приезжаю заранее.

Мой старенький «шевроле» запускается сразу, но я трачу почти десять минут, чтобы настроить музыку. Трогаюсь, только когда в салоне раздаются первые звуки моей любимой группы. Меньше, чем через полчаса я сворачиваю к старейшему вузу Санкт-Петербурга. Наш университет – это практически город в городе. Именно поэтому какое-то время кружу по парковке, подыскивая место. Наконец вижу свободное пространство между огромным внедорожником и какой-то спортивной машиной, и аккуратно пристраиваю свой «шевроле».

Быстро направляюсь к центральному зданию, которое красной летной тянется на несколько сотен метров. Немного притормаживаю, ища взглядом фигуру летящего крылатого Гения. Каждый раз восхищаюсь, что прохожу через те

же двери, что и многие удивительные люди. Неужели по этим коридорам с высокими потолками неспешно ходил Дмитрий Иванович Менделеев? А на ступенях широких лестниц читали вслух свои стихи Блок или Гумилев? Сейчас, когда в старинных корпусах звучат дискуссии о квантовой физике, а студенты с ноутбуками в руках спешат на лекции, поверить в это сложно.

Захожу в пустую аудиторию. Занимаю привычное место на первом ряду у окна, выкладываю перед собой последний конспект, цветные ручки и ставлю рядом бутылку с водой. Достаю книгу, которую взяла утром, и смотрю на обложку. «Бесы» Достоевского. Не самое легкое чтиво, но выбирать не приходится. Я давно прочитала все романы этого великого автора, но, несмотря на это, открываю первую страницу.

Примерно через двадцать минут аудитория начинает заполняться первыми студентами. Настя Тюкалова, Кирилл Сафонов и Вика Малышева – отличники, активисты и самые прилежные студенты нашей группы. Девочки вежливо мне кивают, а Кирилл с улыбкой подходит ближе. Он, как всегда, одет с иголочки, в руках кожаный дипломат, с которым никогда не расстается.

– Привет, Дарин.

Кирилл присаживается на соседний стул и с любопытством поглядывает на обложку моей книги.

– О, – губы Кирилла расплываются в задумчивой улыбке, когда он принимается цитировать: – «Нужно быть действи-

тельно великим человеком, чтобы устоять даже против здравого смысла».

– Замечательные слова.

– Да, как и само произведение.

Мне не нужна компания, я бы с удовольствием провела оставшееся до пары время за чтением, но Кирилл не торопится уходить к Насте и Вике.

– Как думаешь, Регина Игоревна устроит мозговой штурм, как обещала?

– Не знаю, – честно отвечаю я. – Не думаю, что кто-то действительно к нему подготовился.

– Кроме нас с тобой, – подмигивает Кирилл, словно не сомневается, что я все выучила.

– И Насти, – дополняю я этот жидкий список.

– И Насти, – с улыбкой соглашается он.

Наш диалог прерывает громкий смех. В аудиторию вплывает Лена Шадрова со своей свитой. Они, конечно, полностью игнорируют форму, отдавая предпочтение цветным блузкам и джинсам. А по маленьким женским сумочкам я делаю вывод, что на пару они пришли чисто для вида. Не переставая смеяться, девчонки направляются на последний ряд.

– Ладно, осталось две минуты, – оживает Кирилл, хлопая себя по коленям. – Пойду займу свое место.

– Хорошо.

В этот момент появляется Регина Игоревна, и я отклады-

ваю книгу на край стола. Следом за ней в дверях застывают опоздавшие. Я сразу замечаю Максима Прокофьева — своими светлыми кудрями он всегда напоминает мне одуванчик. Максим складывает ладони в молитвенном жесте и просит Регину Игоревну сжалиться и пустить их с парнями в аудиторию. Преподаватель делает им строгий выговор, но все же отходит в сторону, освобождая проход.

Двенадцать человек из двадцати пяти. Да уж, не густо, но на большее, думаю, не рассчитывают даже сами преподаватели. Регина Игоревна призывает всех к тишине, а я выпрямляюсь и придвигаю к себе конспект. Разглаживаю странички, поправляю ручки, чтобы они лежали ровно, и выключаю звук на телефоне. Вижу несколько сообщений от Варьки, но решаю прочитать их после пары. Перевожу все внимание на доску, где Регина Игоревна размашистым почерком выводит очередную формулу. С готовностью беру ручку и принимаюсь аккуратно переписывать ее в тетрадь.

***

Первое, о чем я думаю – как же здесь воняет. Видимо, мой вынужденный сосед давно не принимал душ, но зато систематически принимал на грудь. Закидываю руку под голову, немного меняя положение тела. За несколько часов на этой жесткой скамейке у меня затекло все, что только могло. Хорошо хоть, что мы делим этот номер люкс в отделении полиции всего с одним бедолагой, и каждому досталось аж по

отдельному спальному месту.

– Романов, на выход.

– Наконец-то, – возмущенно выдыхаю я, выпрямляясь и разминая затекшую спину.

Мой сосед – бомжеватого вида мужичок – любопытно вскидывает голову.

– Не скучай тут, братан, – бросаю я ему напоследок, выходя из камеры.

Следуя за молчаливым сотрудником полиции, скучающим взглядом осматриваю унылые стены и скудный интерьер. Меня заводят в непримечательный кабинет. За столом у окна сидит пожилой капитан и листает папку с документами. Мое дело изучает, тут к гадалке не ходи. Боковым зрением замечаю высокий женский силуэт с собранными в аккуратную прическу темными волосами.

– Hello, Mommy, – улыбаюсь я, поворачиваясь. Засовываю руки в карманы джинсов и выжидающе на нее смотрю. Она молчит, недовольно поджимая губы.

– Анастасия Федоровна, проверьте вещи, – просит капитан, ставя на стол невысокую коробку.

– Если поцарапали мои часы, забудьте о премии на ближайшие десять лет, – предупреждаю я, забирая коробку. – Хотя и этого вряд ли хватит, чтобы со мной расплатиться.

– Помолчи, – сердито одергивает меня мама.

Она что-то тихо говорит капитану, а я принимаюсь разбирать отобранные при задержании вещи. Придирчиво осмат-

риваю часы, проверяю телефон, быстро пересчитываю кредитки и наличные. Все в порядке.

– Спасибо вам еще раз. Прошу прощения за предоставленные неудобства, капитан. Обещаю, такое больше не повторится, – мама произносит дежурную фразу и подталкивает меня к выходу.

– Давайте обойдемся без рук, мадам, – прошу я, провожая взглядом молоденькую девушку в полицейской форме. Она улыбается и смущенно отворачивается, когда я посылаю ей воздушный поцелуй.

– Не паясничай и шевели ногами.

– Ты не в настроении? – невинно хлопаю глазами я.

– Тебя арестовали за драку, а я с шести утра пытаюсь это уладить, – мама понижает голос до угрожающего шепота, по пути вежливо приветствуя встречающихся нам ментов. – Сколько раз я должна тебя предупреждать? Неужели не понимаешь, как твое поведение сказывается на моей репутации?

– Сдай меня в детдом, – предлагаю я.

– Никита, прекрати. Мне сейчас не до твоих шуток.

Мы выходим на улицу, и я машинально ищу взглядом свою машину. С сожалением вспоминаю, что в это гостеприимное место меня вчера доставили на спецтранспорте, а моя детка осталась у клуба.

– А у тебя в принципе на меня нет времени, Mommy, – спокойно говорю я.

Мама встает прямо передо мной. Чувствую, как сильно она напряжена, но сдерживается, чтобы не портить свой имидж. Как же ей важно быть идеальной во всем! И как же сильно меня это бесит.

– Я третий раз за этот год вытаскиваю тебя из участка, – она раздраженно тычет мне в грудь пальцем. – Мое терпение заканчивается. Ты давно не подросток, чтобы совершать подобные глупости. Я помогла тебе в последний раз, запомни это, мой милый.

– Запомнил, госпожа прокурор! – Встаю по стойке «смирно» и прикладываю ладонь к виску.

– Прекрати, – шипит мама.

– Хорошо, госпожа прокурор!

Цель достигнута: мама разворачивается и быстро уходит. Молча слежу за тем, как она садится на заднее сиденье служебной машины и раздраженно хлопает дверью. Когда машина отъезжает, поворачиваюсь к стоящим рядом курсантам.

– До универа не добросите? – мило интересуюсь я. – У меня жутко важная пара. Врубим мигалки и долетим с ветерком?

Курсанты ошарашенно переглядываются друг с другом.

– Мда, – бормочу себе под нос. – Потерянное поколение. Ни ментовской борзости, ни чувства юмора.

Достаю телефон и через приложение вызываю такси. Пока жду водителя с экзотическим именем Хосем, в ларьке непо-

далеку покупаю бутылку минералки и пачку жвачки. Смотрю на часы. И меняю в приложении адрес университета на адрес ночного клуба.

– Простите, Регина Игоревна, ваша пара сегодня останется без лучшего студента.

Минут через двадцать забираю свою машину у ночного клуба и еду домой. Совершенно не испытываю мук совести, когда захожу в квартиру, принимаю душ и вкусно завтракаю. Отправляю сообщение Максу.

Я: *Я на свободе.*

Ответ приходит почти сразу.

Макс: *Отметим? Или ты предпочитаешь радоваться освобождению со своими новыми корешками? :)*

Я: *Ха-ха.*

Я: *есть смысл ехать в универ?*

Макс: *да, брат. Тут Регина беснуется. Оставила нас после пары. Сказала, не допустит к зачету, если не сделаем какой-то дурацкий шторм.*

Я: *шторм? Ты пьян?*

Макс: *смешно. У меня уже кипит мозг.*

Макс: *все, приезжай. Мы тут надолго.*

Дорога до универа занимает не больше пятнадцати минут, и еще десять я трачу на то, чтобы подняться на третий этаж и предстать перед суровыми очами Регины Игоревны. С абсолютно равнодушным видом выслушиваю душераздирающие нотации, молча кивая в нужных местах, и наконец занимаю

свое место.

– Выглядишь свежим и отдохнувшим, – хмыкает Макс.

– Могу дать адрес санатория, в котором я провел эту незабываемую ночь.

– Ты правда был в санатории? – вклинивается в разговор Аня Горина.

– Правда, – бессовестно вру я.

– Здорово, – тянет она, накручивая осветленный локон на палец. – А я вот с удовольствием сейчас поехала бы в спа.

Мы с Максом переглядываемся, никак не комментируя. К наивной простоте Гориной все давно привыкли. У ее отца собственный автомобильный салон, который, к сожалению, некому будет оставить, потому что его единственная дочь не отличает «механику» от «автомата». Аня в принципе мало что понимает в этой жизни.

– Так, в двух словах объясните мне, что мы вообще здесь делаем?

– Если бы мы знали, брат, – разводит руками Макс и устало подпирает подбородок ладонью. – Если б знали.

– Из всех присутствующих только эти ботаники понимают, что нужно Регине, – недовольно фыркает Ленка, откидывая на спину светлые волосы. – Такие же ненормальные, как и она.

Машинально перевожу взгляд на «ботаников». Тюкалова – староста, ей по статусу положено все понимать; Сафонов – душнила-выскочка, еще есть Вика Малышева, которой про-

сто везет по жизни, да Воронцова – заучка. Тут помощи не попросить, все они – чертовы фрики.

– Так, – возвращаюсь я к своей копании. – Макс, что ты там говорил про шторм?

– Шторм? – оживляется Аня, покусывая кончик розового карандаша. – Разве? Я смотрела погоду, там было нарисовано солнышко.

– Ань, – раздраженно одергивает ее Ленка. – Какой к черту шторм? Не шторм, – она выделяет это слово голосом, – а штурм. Мозговой.

– Почему я до сих с тобой общаюсь? – спрашиваю я Макса, неспособного запомнить два простых слова.

– Потому что я защищал тебя в начальной школе, когда тебя били старшеклассники, – подсказывает друг.

– Эй, мы бились с тобой на равных, а старшеклассники кошмарили нас обоих.

– Не помню такого, – хмыкает Макс, кладя голову на сложенные на столе руки.

– Так, ладно, – я хлопаю в ладони. – Давайте уже разберемся с этим мозговым штормом.

Обреченно осматриваю свою команду мечты. Ленка выбирает новый маникюр, листая картинки в телефоне под столом, Макс нагло дрыхнет, Аньку я в расчет не беру, а Наташа что-то активно обсуждает с Глебом. Мда, видимо, зря я сюда приехал.

Беру в руки раздаточный материал от преподши и пыта-

юсь вникнуть в задание. Меня хватает на пять минут. Бросив это гиблое дело, откидываюсь на спинку стула. Мое внимание привлекает темная макушка Воронцовой. Она неспеша поднимается, походит к Регине и передает ей несколько исписанных листов. Та бегло просматривает их и довольно кивает.

– Акт благотворительности для ущербных, – презрительно комментирует Ленка, тоже наблюдая за преподавателем. Намеренно говорит громко, чтобы все услышали. Воронцова неприятное высказывание игнорирует, быстро собирает свои вещи и первой покидает аудиторию.

– Они ущербные, но умные, – вставляет свои три копейки Макс. – А мы крутые, но тупые.

– Это факт, братан, – соглашаюсь я.

Глава 2

В библиотеке тихо. К концу учебного года она неизменно пустеет, ведь основная масса читателей – студенты. Конечно, с появлением интернета доступ к информации стал беспрепятственным и больше не требует личного присутствия в обители знаний, но к огромному счастью, остаются еще люди, для которых держать в руках бумажную книгу – особый вид удовольствия. Я, несомненно, отношусь именно к ним.

– Дарина, нужно подготовить выставку «Свидание с книгой вслепую». – Марина Сергеевна что-то ищет на столе, перекладывая кипы бумаг с места на место, пока не поднимает вверх несколько листов. – Вот, нашла наконец! Положение и список необходимых произведений, держи. Если вкратце, то нужно упаковать книгу и красиво ее украсить, оставив некоторые подсказки о содержимом. Чтобы читатель смог выбрать книгу, опираясь лишь на краткое описание, атмосферное оформление или зашифрованное название на обертке.

– Да, хорошо. Мне нравится эта идея. Здорово, что наша библиотека тоже примет участие. Уверена, это привлечет новых читателей.

– Было бы славно, – кивает Марина Сергеевна. – В мае еще ничего, а вот летом будет туго. Никто по доброй воле не придет за книгой во время каникул.

– Будем надеяться, что кто-нибудь все же придет, – с

надеждой улыбаюсь я, просматривая список книг, которые необходимо подготовить для акции. К счастью, практически все я читала, поэтому проблем с оформлением возникнуть не должно.

Немного поболтав с Мариной Сергеевной, я возвращаюсь к своему рабочему месту. Поправляю ромашки в вазе, убираю лежащие на столе ручки и карандаши в органайзер, делаю глоток остывшего чая и достаю из сумки наушники. Немного мучаюсь с подключением, потому что мой старенький телефон периодически перестает работать, но в итоге справляюсь. Включаю свой обычный плейлист и отправляюсь на поиск необходимых историй.

Этот процесс доставляет мне необъяснимое удовольствие. Мне нравится моя работа. Вот уже второй год после учебы я подрабатываю в библиотеке. Да, конечно, дедушка очень состоятельный, но мне не хочется просить у него денег. Мне важно чувствовать себя хотя бы чуть-чуть независимой. К тому же здесь я получаю беспрепятственный доступ к множеству книг. Можно бродить между дубовыми шкафами до самого потолка и выбирать все, что душе угодно. Чем я, собственно, сейчас и занимаюсь. Неспеша обхожу один стеллаж за другим, иногда сверяясь со списком, чтобы не пропустить необходимую книгу. «Мастера и Маргариту» нахожу сразу, знаменитый детектив Агаты Кристи тоже, а вот с современной литературой возникают небольшие затруднения. Я предпочитаю классику, поэтому многие нынешние авторы про-

ходят мимо меня. Конечно, такие имена, как Софи Анри, Таня Нордсвей и Лина Винчестер у меня на слуху, но с их творчеством я пока не знакома. До начала акции придется это исправить.

Возвращаюсь за свой стол с увесистой стопкой из тринадцати книг. Для десяти из них у меня уже имеются идеи по оформлению, а вот три надо сначала прочитать. Откладываю их в сторону, планируя сегодня же взять домой. Беру ежедневник и составляю список необходимых канцтоваров, чтобы украсить книги. Закончив, рассказываю Марине Сергеевне о своих идеях, и она разрешает мне уйти пораньше, чтобы я успела все купить.

Только когда покидаю уютное здание библиотеки, понимаю, как прохладно было внутри. Я и не заметила, что успела порядком замерзнуть. А сейчас моя кожа начинает согреваться под ярким майским солнцем. Под его золотыми лучами оживают мягкие тени, отбрасываемые старинными зданиями. Некоторые туристы снимают обувь и идут босиком по зеленой траве. В этот момент я искренне им завидую. Жутко не хочется садиться в машину и куда-то ехать. Я бы предпочла остаться здесь, на скамейке, подставляя лицо теплым лучам, и посидеть часик-другой, но не могу.

С легким сожалением запускаю двигатель и доезжаю до ближайшего универмага. Нужный мне отдел находится на втором этаже, но я решаю сперва купить бутылку воды. Прохожу мимо ярких отделов модной одежды, сверкающих юве-

лирных витрин и неприметных магазинов бытовой техники. Слышу знакомую мелодию звонка и начинаю искать мобильник в сумке. Единственное, что исправно работает в моем стареньком телефоне – это динамик, из которого сейчас громко играет песня «Radioactive»[1].

Не люблю привлекать к себе лишнего внимания, но именно это сейчас и происходит. Все мои попытки найти телефон не увенчиваются успехом. Останавливаюсь рядом с круглым фонтаном в центре универмага и с подступающей паникой роюсь в сумке. Чувствую себя Гермионой Грейнджер из «Гарри Поттера», которая применила к своей сумочке особое заклятие и потом не могла найти пузырек с зельем. Раздраженно зажимаю подмышкой книги, чтобы не мешали, и наконец мои пальцы нащупывают телефон. Победно сжимаю его в ладони, достаю из сумки, и в этот момент Варька сбрасывает звонок. Хочется чертыхнуться от досады, но я сдерживаюсь. Прикрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Не успеваю успокоиться, как чувствую резкий толчок в бок. От неожиданности я вскрикиваю и болезненно врезаюсь поясницей в бортик фонтана. Телефон вылетает из рук и с тихим «бульк» падает в воду, а вслед за ним отправляются и две библиотечные книги. Наблюдаю эту сцену в немом ужасе, пока перед моим лицом не возникает смеющаяся рожа Глеба Гордеева.

– Неприкольно получилось, – противно хихикает он, не

[1] Radioactive — песня американской рок-группы Imagine Dragons

испытывая ни капли сожалений.

– Ой, Дарин, это ты. Прости, мы тут толкались и случайно задели тебя.

Максим упирается руками в бортик и вглядывается в воду. Тянется за ушедшим на дно телефоном, но его снова толкает этот придурок Глеб. Между ними начинается очередная потасовка «кто кого первым уронит в фонтан», и я отворачиваюсь. Внезапно встречаюсь с насмешливым взглядом Никиты Романова. Он равнодушно осматривает меня с головы до ног, засовывает руки в карманы и расслабленно привалывается к колонне.

– Что? – раздраженно спрашиваю я, когда Глеб касается моего локтя мокрой рукой.

– На, Воронцова, – он сует мне в руки мой телефон и глупо улыбается. – Больше не теряй.

– Эй! – возмущенно толкает его в бок Максим. – Ты испортил ей телефон и теперь должен купить новый.

– Из-за тебя, придурок.

Глеб громко смеется, когда Максим замахивается, чтобы его в шутку ударить. Мне начинает надоедать это идиотское представление, из-за которого на нас оборачивается каждый второй посетитель. Вылавливаю из воды размокшие книги и молча бросаю испорченный телефон в сумку. Сильно сжимаю дрожащими от злости пальцами зацепившийся брелок, мешающий застегнуть молнию.

– Глеб, да заплати ты ей пятерку, больше ее старье не сто-

ит, – подает голос молчавший до этого Никита. – И пошли уже отсюда.

– Ладно, – пожимает плечами Глеб и тянется за бумажником. Достает оранжевую купюру и протягивает мне.

– Не жмись, дай десятку, – Максим вытаскивает из его бумажника еще пять тысяч.

– На, Дарин, и давай без обид.

Молчу, показательно игнорируя всех троих. Наконец-то справившись с замком, застегиваю сумку и разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Бери, и хватит дуться, – Глеб хватает меня за руку и всовывает в ладонь деньги. Его губы растягиваются в гнусной улыбке, которая сопровождается такими же противными словами: – Или ты предпочитаешь получать деньги таким же способом, как девочки в клубах?

– Да пошел ты, Гордеев! – зло бросаю я и вырываю руку из его цепких пальцев. – И засунь свои деньги себе в…

– Воу-воу, Даринка, не перегибай, – встревает Максим, удивленно переглядываясь с Никитой.

– Не кипятись, Воронцова, – Глеб поднимает руки вверх и с усмешкой убирает деньги в карман. – Лучше приходи в пятницу ко мне на вечеринку. Выпьешь, успокоишься, повеселишься.

Тихий смех Никиты сбивает мои мысли с нужного пути. Впиваюсь в его лицо злым взглядом. Никиту моя реакция веселит еще больше, отчего у меня возникает непреодоли-

мое желание дать ему по голове уцелевшей книгой. Мне кажется, он каким-то образом это чувствует, потому что только хмыкает и отворачивается.

– Ладно, все в порядке, – говорю я, чтобы поскорей отделаться от неприятной компании. С сожалением провожаю взглядом плавающие в фонтане книги, мысленно подсчитывая, сколько проблем мне это доставит. Стараюсь не показывать своего расстройства, выпрямляю спину и прохожу мимо Никиты.

Нужно выбросить эту ситуацию из головы, иначе я увязну в пучине грусти. Телефона у меня теперь нет, как и всей хранившейся в нем информации. За сам мобильник я расстраиваюсь несильно, потому что у меня давно лежит подарок от дедушки. А вот как восстановить данные – большой вопрос.

Отдалившись на достаточное расстояние от фонтана, прячусь за первым поворотом и прислоняюсь спиной к стене. Позволяю себе болезненно скривиться и растереть ушибленную поясницу. Закрываю лицо ладонями и мысленно считаю до десяти, чтобы не расплакаться. Чувствую себя прескверно. И дело даже не в боли. Обычно я успешно пропускаю мимо язвительные комментарии Лены Шадровой или насмешки того же Глеба, который даже не извинился за случившееся, а сразу начал совать мне деньги. Такие как он и Никита считают, что все в этом мире можно купить. Меня это сильно злит, ведь они пытаются откупиться не своими деньгами, а деньгами богатых родителей. Для одного дня слишком мно-

го негатива, и на мгновение я все-таки поддаюсь слабости. Несколько слезинок срываются с ресниц, но почти тут же я беру себя в руки, немного массирую виски, чтобы снять напряжение и выхожу из своего укрытия.

Поднимаюсь на второй этаж и знакомым маршрутом иду в огромный книжный отдел. Боги, храните литературу! От вида высоких полок, заставленных всевозможными книгами, мне становится легче. Неспешно прогуливаться и рассматривать эстетичные корешки – сродни медитации. Я мгновенно забываю, что пришла сюда в подавленном состоянии. Все отходит на задний план, пока я вчитываюсь в аннотации новинок или восхищаюсь яркими обложками. Словно завороженная, перехожу от стеллажа к стеллажу, а книги в моей корзинке прибавляются и прибавляются.

Прихожу в себя и сбрасываю наваждение только через два часа, когда оказываюсь на кассе с кучей покупок. С ужасом смотрю на часы и не понимаю, как можно было выпасть из реальности на такой большой промежуток времени. Тут явно задействован цыганский гипноз! Как иначе объяснить, почему вместо двух книг, подарочной упаковки и декоративного скотча, я покупаю семь книг и кучу бесполезной канцелярской мелочи?

Купленные книги оттягивают плечо, но эта ноша даже тянет приятно, поэтому я стойко дохожу до машины и с облегчением скидываю сумку на пассажирское сиденье.

Домой приезжаю уставшая, голодная и измученная этим

долгим днем. Глушу двигатель, тянусь за сумкой, и тут мой взгляд цепляется за небольшую коробочку с алым бантиком. По телу прокатывается дрожь, а в сознании моментально выстраивается логическая цепочка: кто-то подложил коробку на сиденье, следовательно, этот кто-то забрался ко мне в машину. Испуганно оборачиваюсь, боясь стать героиней следующего сюжета программы «Следствие вели…». С облегчением понимаю, что в машине кроме меня никого нет, и снова возвращаюсь к коробке. Несколько мгновений недоверчиво на нее смотрю, пытаясь прогнать мурашки, и наконец принимаю взвешенное решение не трогать ее и позвать на помощь.

Выбравшись из машины, иду на поиски Егора Семеновича – начальника охраны, прекрасного человека и моего потенциального спасителя. Быстро объясняю ему сложившуюся ситуацию, и он без вопросов идет к моей машине. Проверка непонятной коробочки занимает несколько минут, а потом Егор Семенович на всякий случай заглядывает назад и осматривает багажник. Я нервно слежу за его действиями издалека.

– Все в порядке, Дарина Алексеевна, не переживайте.

– А что за коробка?

Егор Семенович скупо улыбается, берет ее с сиденья и протягивает мне. С опаской принимаю коробку из его рук и после утвердительного кивка открываю.

– Телефон? – озадаченно поднимаю брови.

– У вас появился поклонник?

– Нет, конечно нет, – почему-то оправдываюсь я перед улыбающимся Егором Семеновичем. – Понятия не имею, кто это сделал.

Ладно, тут я слегка кривлю душой, потому что один вариант все же имеется. Неужели у Глеба хватило совести, чтобы совершить правильный поступок и искупить свою вину? Верится с трудом, но ведь я держу в руках телефон, а это неплохая попытка извиниться. Честно говоря, я пока не до конца понимаю, как к ней относиться.

– Пойдемте в дом, Дарина Алексеевна, – мягко предлагает Егор Семенович.

– Ни слова деду, – прошу я, заискивающе улыбаясь.

Он кивает, и я с облегчением выдыхаю. Неприятностей на сегодня больше не предвидится.

***

– Когда уже закончится наше мучение? – задает, на мой взгляд, довольно риторический вопрос Макс.

– Когда сдадим все зачеты и экзамены, брат.

– Отстой.

– Сто процентов.

На этом наш скудный диалог заканчивается. Максим продолжает играть в какую-то очередную незатейливую игру на телефоне, а я откидываюсь на спинку стула и наблюдаю за остальными. На предыдущей паре в аудитории сидели толь-

ко должники, которых приговорили к дополнительным занятиям за недобросовестное изучение английского. Но следующая будет уже для всех, поэтому кабинет постепенно наполняется оставшейся частью нашей группы.

Со скучающим видом провожаю взглядом старосту и ее неизменную подружку. Следом за ними в кабинет влетает взлохмаченный Глеб, который принимается крутить головой, ища нас. Я машу ему рукой, и его лицо тут же светлеет. Перескакивая через несколько ступенек, он в считаные мгновения оказывается на нашем ряду.

– Парни, представляете, меня подрезал этот козел Леднев!

Без особого интереса слушаю историю, которая только что случилась с Глебом на парковке. Ничего нового: какой-то Леднев занял его место, и они сцепились. На этом моменте Максим оживает и присоединяется к обсуждению. Замолкают они только в момент, когда видят, как к нам решительно приближается Дарина Воронцова. Глеб не пытается скрыть изумление, когда она встает перед партой и со странными эмоциями смотрит на него сверху вниз.

– Я уже сказала, что мне от тебя ничего не нужно. Достаточно было бы простых извинений, – ледяным тоном произносит она и кладет перед ним коробочку с новеньким айфоном.

– Сдурела, Воронцова? Это вообще что?

Удивление Глеба искреннее, я давно его знаю, чтобы это понять. Но вот Дарина не верит и начинает злиться. Ого, да

я чертов психолог, раз так легко могу прочитать и ее эмоции тоже.

– Я его не возьму, – настойчиво повторяет она.

– Ты меня слышишь? Это не мой телефон. – Глеб раздраженно подталкивает к ней коробку.

Дарина сужает глаза и набирает в грудь воздуха, чтобы выдать очередную пламенную речь. Я с нарастающим интересом наблюдаю за разворачивающейся драмой и жалею, что не прихватил попкорна из автомата в коридоре.

– Это сделал я, Дарин, – словно рефери на ринге влезает между ними Максим. – Хотел, как лучше.

Ее настроение мгновенно меняется. Она поворачивается к Максу с легкой смущенной улыбкой.

– Ты поступил очень мило, спасибо, Максим. Но мне этого правда не нужно. Мой старый телефон давно следовало заменить, и его стоимость точно не соизмерима с ценой твоего подарка, – она берет коробку и передает ее Максиму в руки, игнорируя меня. То, что я сижу в центре этой драмы, почему-то все успешно забывают.

– Прости нас, мы вчера немного похулиганили, – обаятельно улыбается Максим, окончательно заставляя Дарину оттаять. – Раз не принимаешь телефон, то хотя бы приходи в пятницу на вечеринку. Выпьешь пару коктейлей за наш счет, и будем считать, что мы в расчете.

– Я подумаю.

Воронцова снова улыбается и с чувством выполненного

долга спускается на первый ряд. Готов поспорить, она не собирается рассматривать предложение Максима всерьез. Глеб провожает ее взглядом, затем облокачивается на парту и крутит пальцем у виска.

– Она чокнутая.

– Да у нее уровень IQ больше, чем у тебя денег на счете, – заступается за Воронцову Максим. – Даринка нормальная.

Они начинают спорить, а я устало прикрываю глаза. Мысленно молюсь, чтобы пара поскорее закончилась, и нас выпустили на свежий воздух. Но, видимо, на мою мольбу реагируют не те боги, потому что присылают не освобождение, а преподавателя по английскому, который громко призывает всех к тишине и объявляет очередной тест. Глеб тут же просится выйти, симулируя сильную боль в животе, хотя на самом деле он надеется таким детским способом избежать теста. Пока он показательно жалуется, Максим толкает меня локтем в бок.

– Передари какой-нибудь своей девчонке, раз уж Даринке твой айфон не нужен, – тихо хмыкает он, незаметно кладя коробку мне в рюкзак.

– С чего ты решил, что телефон купил я?

– Только ты у нас такой благородный, Ник.

Если бы был благородным, то починил бы замок в двери ее машины, думаю про себя я. Решаю не отвечать на сомнительный комплимент друга, но Макс и не ждет моего ответа. Он с улыбкой забирает тест, который раздает Настя Тюкало-

ва, и даже пытается вникнуть в задания.

Краем глаза просматриваю вопросы и понимаю, что в них нет ничего сложного. Я, конечно, не могу соперничать с Воронцовой по уровню интеллекта, но английский знаю лучше всех в группе. Хоть какая-то польза от отца, живущего в Бостоне. Я пододвигаю к себе листок и быстро выполняю все задания. Затем двигаю лист в сторону Макса и меняю свой тест на его. Друг благодарно улыбается, берет ручку и делает вид, что что-то пишет.

– А мне? – шепчет Глеб, складывая руки в молитве. – Не бросай меня, друг.

С тяжелым вздохом протягиваю руку, в которую он моментально вкладывает тест. Его я решаю так же быстро, как и предыдущий для Макса, но в этот раз намеренно делаю несколько ошибок. Ну, во-первых, Глеб в топе моей дружбы стоит на втором месте, а во-вторых, он же тупой, никто не поверит, что он способен решить тест на высший балл.

– Спасибо, я твой должник!

– Ага.

– Себе-то реши, – Максим кивает на мой пустой лист.

– Успею.

– Нет, реши сейчас, – настаивает он, подталкивая тест ко мне.

– Какой ты неприятный тип.

Отвечая на эти дурацкие вопросы для пятиклассников, прислушиваюсь к обсуждению Глеба его будущей вечерин-

ки. Пока не могу определиться, хочу ли я видеть его рожу и в выходные. До них целых три дня – есть время решить.

– Ты сегодня участвуешь? – тычет меня локтем в бок Глеб. Без лишних пояснений понимаю, что он говорит о гонке.

– Пока не решил. Моя машина в сервисе.

– У меня тоже облом. Отец тачку забрал, пока долги не сдам.

– Тогда тебе ее никогда не вернут, – смеется Максим.

– Тимофеев участвует.

– И?

Глеб не продолжает, возвращаясь к своему тесту. Делает вид для преподавателя, что пытается что-то написать. Я же кручу в пальцах ручку и размышляю, стоит ли поучаствовать в гонке. Моя машина не готова, но на крайний случай можно сесть за отцовскую «БМВ». Она старенькая, но надежная. Идея в очередной раз надрать задницу Тимофееву кажется все заманчивее. Когда заканчивается пара, я принимаю окончательное решение.

– Во сколько гонка?

Глеб тут же оборачивается и довольно улыбается. Вбивает что-то в телефоне и поворачивает экран ко мне. Киваю, давая знать, что понял, где и когда.

– Так, что? – нетерпеливо спрашивает он. – Мы в деле?

– В деле.

***

Воздух на пустынной проселочной дороге густой и влаж-

ный. По обочинам стоят машины, свет их фар выхватывает из темноты возбужденные лица. Кладу ладони на шершавую кожу руля «БМВ». Машина отвечает глубоким урчанием – моим самым любимым звуком на свете. Ловлю взгляд Леши Тимофеева – моего основного соперника, – из окна ярко-зеленого «Митсубиси». Он усмехается, опуская стекло.

– Где ты взял это старье, Романов? Тачка из твоего нищего прошлого?

– Ты настолько тупой, что не помнишь, что уже шутил так несколько раз?

– Не думай, что я когда-нибудь дам тебе об этом забыть. – На миг его лицо озаряется красным, когда он закуривает прямо в салоне.

– Мне вообще плевать на твои слова, Тимофеев, – спокойно говорю я. – Победить такого отстойного водителя, как ты, я могу на любой машине.

Он не отвечает, лишь медленно докуривает сигарету и выбрасывает тлеющий окурок в окно. В этот момент на середину дороги выходит стартер. Яркий флажок в его руках привлекает всеобщее внимание. Закрываю окно и сжимаю руль. Взметнувшаяся вверх рука судьи заставляет сердцебиение ускориться, а нервы натянуться до предела. Делаю глубокий вдох, чувствуя, как все уходит на второй план.

Флажок резко опускается. Свистит резина, из выхлопных труб вырываются клубы едкого дыма, адреналиновый удар бьет прямо в грудь. Вижу, как зеленая «Митсубиси» срыва-

ется с места, но я не суечусь. Начинаю движение плавно, будто моя машина скользит по мокрому стеклу, а не рвет шершавый асфальт.

Первые повороты – связку «шпилек»[2] – прохожу на грани, но без единой судорожной поправки руля. Контролирую каждый сантиметр дороги. Выжав педаль тормоза, чувствую легкий снос задней оси, но выравниваю машину. В ушах стоит оглушительный рев мотора, но в голове у меня идеальная тишина.

Тимофеев висит на хвосте, его фары слепят меня в зеркале. Он пытается давить психологически, подъезжает вплотную, но я лишь улыбаюсь. Когда-то давно этот трюк и правда действовал, тогда я поддался и проиграл. Но теперь меня нисколько не нервируют его рваные наезды. Несмотря на насмешки, моя старенькая «БМВ» реагирует беспрекословно и предсказуемо. Мотор всю трассу поет свою ровную песню.

Мы вылетаем на длинную прямую, упирающуюся в темноту. Тимофеев идет на обгон, выезжая на встречку. Рев его турбины переходит в оглушительный визг. Кажется, он вот-вот вырвется вперед, но я к этому готов. Знаю, что он так поступит, но не перекрываю траекторию. Вместо этого на мгновение сбрасываю скорость, позволяя нам сравняться. И в тот самый миг, когда я замечаю улыбку Тимофеева в сла-

---

[2] Шпилька — тип поворота, когда после длинной прямой на коротком участке трассы автомобили резко поворачивают на 180 или чуть менее градусов, после чего также следует прямая часть трассы.

бом освещении салона, давлю на газ.

Моя машина вырывается вперед с каким-то отчаянным упорством, будто ее с силой толкают сзади. Отрываюсь сначала на полкорпуса, затем на корпус... Тимофеев остается позади, и я во всех красках представляю его реакцию. Мы оба понимаем, что у него больше нет шансов.

Когда вылетаю на финишную прямую, в зеркалах уже нет слепящих фар «Митсубиси», только отдаляющаяся точка. Пересекаю условную черту, отмеченную криками зрителей, и плавно сбрасываю скорость. Только теперь позволяю себе выдохнуть. Руки сами разжимаются на руле, и я ощущаю приятную дрожь в пальцах. Не от страха, а от выплеска энергии.

Глушу мотор и выхожу из машины. Ко мне подбегает счастливый Глеб и довольный Максим, который тут же хлопает меня по плечу и что-то восторженно говорит. Подходит и Тимофеев.

– Тебе снова повезло, Романов, – бросает он.

– Просто в отличие от тебя, я знаю, где находится педаль газа.

– Такая же тупая шутка, как и ты. – Тимофеев сопровождает свои слова поднятым средним пальцем, садится в машину и с ревом срывается с места.

– Придурок, – комментирует Максим, провожая взглядом отъезжающую машину. – И как мы могли с ним дружить?

– Он не всегда был таким придурком, ты же знаешь.

Максим смотрит на меня так, словно я сморозил полную чушь. В принципе, это не так далеко от истины.

Глава 3

– Привет, Ди! – радостно кричит в динамик Варя. – Включай видео.

– Ладно.

Убираю телефон от уха и пытаюсь разобраться, как переключить звонок с аудио на видео.

– Я тебя не вижу, ты где?

– Да у меня новый телефон, я не понимаю, что нужно делать, – ворчу я.

Следуя указаниям подруги, я каким-то чудом переключаюсь и наконец вижу ее счастливое лицо во весь экран.

– Получилось! – довольно хлопает в ладоши Варя, светясь наравне с висящим на безоблачном небе солнцем. – Как я рада, что кто-то утопил твой старый телефон. Наконец-то вижу свою красотку в нормальном качестве.

– Ты несправедлива к моему старичку, – я показываю ей язык. – Он служил мне верой и правдой с девятого класса.

– Кошмар! Оказывается, мы с тобой такие же старые, как твой телефон.

Смеюсь от абсурдности ее вывода.

– Ты всегда склонна к драматизму, Варь. Нам всего двадцать.

– Нам уже двадцать! Вот смотри, – она приближает камеру к своему лбу, отчего картинка смазывается, и все, что я

вижу – мутное пятно. – У меня появилась морщина! А из-за этого солнца выскочила целая куча веснушек. Вот, – она тычет пальцем себе в нос, – и на щеках, шее, плечах и даже на груди!

Удивительный парадокс: Варя от природы обладает пшеничными волосами и светлой кожей, но летом она всегда удачно покрывается красивым загаром, а вот весной действительно на восемьдесят процентов состоит из веснушек.

– Через две недели ты будешь хвастаться ровным загаром, потерпи чуть-чуть.

– Ладно, – забавно морщит нос она. – Кстати, а ты чем там занимаешься?

Переключаю камеру и показываю ей лежащий на газоне коврик.

– Йога? – с пониманием кивает она.

– Ага. Сложная выдалась неделька, хочу немного расслабиться.

– Расслабиться? Это невозможно, когда у тебя тело сложено семь раз и выгнуто в другую сторону!

– Ты просто не пробовала, тебе бы точно понравилось! – искренне возмущаюсь я, готовая защищать свою любимую йогу до последнего вздоха.

– Это не для меня. Пойду лучше закажу себе пиццу и огромную банку арахисовой пасты. Adiós, Ди.

– Пока, – хмыкаю я и сбрасываю звонок.

Несколько секунд любуюсь фоткой своей лучшей подру-

ги, укатившей от меня за тысячи километров. Сейчас Варя с родителями живет в Греции, мы редко видимся, и я скучаю без нее каждый день. С нетерпением жду июнь, когда Варя приедет к бабушке на каникулы на целое лето.

Поправляю наушники на голове, включаю музыку из специальной подборки и откладываю телефон в сторону. С удовольствием делаю разминку. Глубоко вдыхаю сладкий весенний воздух с нотками цветущих яблонь и вишни. Прикрываю глаза, ощущая, как веки ласкают теплые солнечные лучи.

Начинаю выполнять простые асаны[3], постепенно переходя к наиболее сложным. С наслаждением тяну каждую мышцу и замираю в таком положении на пару мгновений. Отдыхаю, дышу и ощущаю, как мое тело наполняется силой. Повторяю подходы по несколько раз, а затем выполняю заминку. Чувствую себя заряженной на сто один процент!

Пока собираю вещи, замечаю несколько непрочитанных сообщений в чате университетской группы. Хмурюсь и пролистываю семнадцать сообщений, посвященных обсуждению дурацкой вечеринки у Глеба Гордеева. Впервые за долгое время у нас выдается свободная суббота, поэтому он зовет всю группу сегодня к себе. С нарастающим удивлением вижу, как появляется все больше и больше плюсиков, когда Гордеев просит отписаться всех, кто придет. Мои брови взлетают вверх, когда отмечаются Кирилл, Настя и Вика.

---

[3] Асана – название определенного неподвижного положения тела в йоге.

Либо это весеннее обострение, либо магнитные бури.

Блокирую телефон, теряя интерес к сообщениям в чате. Раньше я любила изредка выбраться в клуб и от души потанцевать, но с того момента, как Варя уехала, желание ходить на подобные мероприятия пропало. Да и не с кем, если уж быть до конца честной, поэтому я и сегодня не буду нарушать традицию. Но я не расстраиваюсь, предвкушая приятный вечер в компании новой книжки и горячего чая.

– Привет, дедушка! Ты уже вернулся? – радостно машу рукой, замечая знакомый силуэт у ворот.

– Прилетел час назад и сразу приказал везти меня домой. Я с подарками, чтобы задобрить тебя за несколько дней моего отсутствия.

– Да не нужно было ничего покупать, – мягко улыбаюсь я, подходя к деду и обнимая.

– Ты – единственная радость в моей жизни. Позволь дедушке немного побаловать свою любимую внучку.

– Ладно, – сдаюсь я.

– Я сказал парням отнести пакеты в твою комнату, посмотришь потом, – дедушка подхватывает меня под локоть и увлекая в дом. – А пока пойдем вместе пообедаем. Я такой голодный, ты не представляешь.

– Тогда я быстро в душ и сразу за стол! Там Надежда Петровна такое вкусное мясо запекла, ммм, – мечтательно тяну я, взбегая по ступенькам на крыльцо.

– Договорились. Встречаемся в столовой.

Быстренько принимаю душ, старательно игнорируя с десяток брендовых пакетов, стоящих рядом с кроватью. Ух, дед, знает ведь, что мне ничего не надо! Несмотря на мысленное ворчание, я улыбаюсь. Конечно, мне приятна его забота, да и подарки всегда приходятся по вкусу. А ворчу я так, для порядка.

Спускаюсь на первый этаж и влетаю в столовую. Маша – наша молодая домработница – как раз заканчивает накрывать на стол.

– Как же вкусно пахнет, – вожу носом и слышу, как мой желудок отзывается громким урчанием. – Ой.

Дедушка смеется, а Маша аккуратно поправляет фартук, пряча улыбку.

– Налетай! – командует дед и подает мне тарелку с порцией мяса. Затем пододвигает другую, со свежими овощами. – Приятного аппетита.

– И тебе, – тут же отвечаю я.

Давно мы не проводили время вместе. Я целыми днями учусь, а дедушка постоянно в разъездах по миру. Наверное, отчасти поэтому для меня так важны эти редкие семейные посиделки. Мы весело болтаем обо всем на свете: о моей машине, которую я согласилась отдать в ремонт; о погоде, слишком теплой для начала мая; о приближающихся экзаменах и моей работе в библиотеке. Но ни на мгновение у меня не возникает желания рассказать деду об испорченном телефоне и утопленных книгах. Этим я поделилась с Варей, мы

вдоволь пропесочили Гордеева, Романова и даже Максиму немного досталось. Конечно, она предлагала оставить телефон в качестве компенсации за моральный ущерб, но я отказалась.

– А какие у тебя планы на лето? – интересуется дедушка, с довольным видом откидываюсь на спинку стула.

– Пока не думала, – честно признаюсь я. – В июне приедет Варя, а там что-нибудь придумаем.

– Может быть, на недельку на море? Нужно же тебя както поощрить за очередной успешный год.

– Ну дед, – смеюсь я, – ну лиса! Хорошая попытка, но я ведь работаю.

По глазам вижу, что он снова собирается возразить и завести свой любимый разговор на тему «Твой дед – один из самых успешных бизнесменов страны, а ты работаешь в библиотеке. Вот я умру, кому это все достанется?».

– Даже не начинай, – грожу ему пальцем я, и дедушка сокрушенно качает головой. Хмурюсь, когда он слишком долго молчит, не сводя с меня взгляда. – Дед?

Вместо ответа он накрывает мою лежащую на столе ладонь своей и грустно улыбается.

– Я тобой горжусь. Жаль, твои родители не видят, насколько замечательной девушкой ты стала.

Сердце на мгновение останавливается, а затем снова начинает болезненно биться в груди. Кажется, я никогда к этому не привыкну.

– Прости, милая, – дед сжимает мои пальцы и виновато заглядывает в глаза. – Не хотел бередить рану.

– Все нормально.

Поднявшись, подхожу к нему и крепко обнимаю. Закрываю глаза, и боль становится чуть меньше. У дедушки звонит телефон, и он с сожалением выпускает меня из объятий. Я показываю большие пальцы, чтобы он не переживал, и иду к себе в комнату.

Беру с полки фоторамку со свадебной фотографией родителей и сажусь на кровать. С грустью понимаю, что даже поплакать не могу, потому что дедушка после разговора обязательно зайдет меня проверить. Если увидит, что я плачу – расстроится, а у него слабое сердце, и лишние переживания точно не нужны. Я вообще стараюсь никогда его не расстраивать, поэтому давно привыкла прятать сильные эмоции внутри, чтобы они ранили только меня одну.

Ставлю фотографию на место и, чтобы отвлечься, беру в руки первый пакет, который привез дедушка. Подхватываю пальцами тонкие бретельки и достаю бордовое платье. В следующем пакете лежат новые босоножки, в третьем – несколько коробочек с украшениями, а потом снова несколько пакетов одежды. Могу поспорить, что дедушка подговорил свою помощницу отправиться за покупками, сам он совершенно не разбирается в моде.

– Ооо, – удивленно выдыхаю я, когда вынимаю из очередного пакета комплект нижнего белья. Мысленно молюсь,

чтобы это действительно покупала дедушкина помощница, а не он сам.

Раздается резкий звук. Я вздрагиваю и испуганно бросаю белье обратно в пакет. Не сразу понимаю, что это звонит мой новый телефон, к рингтону которого я пока не привыкла.

– Алло.

– Привет, Дарин, – звучит в трубке приятный голос Вики Малышевой.

– Привет… Что-то случилось? Сегодня же сдают зачет только должники или я что-то пропустила?

– Нет-нет, не переживай. Но кое-что действительно случилось, и я звоню поругаться.

– Правда? – в голове нет ни намека, почему Вика может со мной поругаться.

– Ты почему отрываешься от коллектива?

– Что? Вик, ты о чем?

– Ты читала последние сообщения в нашем чате?

– Эм, да, что-то читала.

– То есть про вечеринку у Глеба знаешь? – аккуратно подводит меня к цели звонка Вика.

– Слышала.

– Так вот, на нее идет вся наша группа. Вся, представляешь? Ну, за одним исключением. Понимаешь, на кого я намекаю? – даже не видя ее лица, я красочно представляю Викину мимику в этот момент. – Давно мы не собирались все вместе.

– Ага, давно, – бессмысленно соглашаюсь я.

– Дарин, ты у нас умная, и прекрасно поняла, почему я звоню. Мы с Настей хотим, чтобы ты тоже сегодня пошла с нами.

– У меня есть планы на вечер, прости, Вик, – на ходу придумываю я.

– По голосу слышу, что ты меня обманываешь. Сегодня тебе от нас не отвертеться! Мы почти собрались. Если хочешь, мы можем приехать и вместе выберем тебе наряд? Соглашайся, будет весело!

Это вряд ли, скептически думаю про себя я, но вслух говорю:

– Ладно, уговорила. Но я ненадолго.

– Принято! – весело реагирует на мое условие Вика. – Так что, нам с Настей приехать к тебе? И вместе потом поедем к Глебу.

– Да, это хорошая идея. Сейчас скину тебе адрес.

– Жду, до встречи!

Вика отключается, и я тут же начинаю жалеть, что поддалась на уговоры и согласилась на очередную авантюру. Но, с другой стороны, мне нужно немного развеяться. Задумчиво кошусь на стоящие рядом пакеты с одеждой. Я знаю, в чем сегодня пойду на вечеринку!

***

Моя пятница начинается не так шикарно, как хотелось бы.

Я снова проспал, но это меня заботит мало. В отличие от моей неугомонной Mommy, которая семь раз позвонила за это прекрасное утро и отправила парочку сообщений угрожающего характера, которые я тут же удалил. Но на этом она не остановилась и собственной персоной заявилась в мою скромную обитель.

– Сейчас же оторвал свой зад от кровати и мигом в университет!

– Как грубо, – морщусь я, лениво потягиваясь. – Разве вас не наказывают за использование обсценной лексики?

– Ого, какие слова мы знаем! – сарказма в ее голосе хватит, чтобы затопить два нижних этажа. – Хоть какая-то польза от того, что отец платит за твое образование.

– Оу, Mommy, если хочешь, я выдам тебе список занимательных слов, значение которых знают лишь избранные.

– Прекрати паясничать! Мне несколько раз звонил ректор и недвусмысленно намекал, что твое обучение подойдет к концу, если ты завалишь летнюю сессию.

– Окей, – равнодушно пожимаю плечами я.

Закинув руки за голову, с улыбкой смотрю на разъяренную маму. Она срывает с моих ног одеяло, раздраженно кидает его на пол и указывает на меня пальцем.

– Эй, полегче, Mommy, – наигранно возмущаюсь я. – Своим пальцем ты наносишь мне астральный удар. Это нам на психологии говорили.

С удовольствием наблюдаю, как мама недовольно поджи-

мает губы. Еще парочка моих острот, и у нее из ушей пойдет пар. Не то чтобы я горжусь своей способностью доводить ее до высшей степени раздражения, но это факт. К тому же она серьезный противник – двадцать лет работы в органах тренируют хорошую выдержку. Именно поэтому она не хватается за служебное оружие, чтобы прикончить меня, а ледяным тоном озвучивает очередную угрозу:

– Ты сейчас договоришься, и я позвоню отцу. Расскажу ему, что ты прогуливаешь пары и постоянно влипаешь в неприятности. И предложу лишить тебя финансирования на все лето. Как тебе такой вариант?

– Весьма предсказуем.

– А с тобой по-другому никак. Абсолютно не желаешь совершать взрослые поступки. Живешь в собственной квартире, ездишь на дорогой машине, ни в чем не нуждаешься, но не несешь никакой ответственности! Так не бывает, мой милый.

Слова матери мне не безразличны, как бы я ни старался показать обратное. Я не «золотой» ребенок и помню, каково было жить втроем в однушке, которую мы иногда делили с мышами. И как ужинали безвкусным супом, когда маме задерживали зарплату, как и работающему в бюджетной сфере отцу. Но рядом с этими тяжелыми воспоминаниями всегда идут другие – теплые и уютные, как вязаный плед. Как мы всей семьей едем к бабушке в деревню на старых жигулях, которые было слышно за километр из-за пробитого глуши-

теля. Как мама собирает клубнику на бескрайних грядках, а отец учит меня водить эти самые жигули. Теперь же у нашей семьи полно денег, но не прибавилось ни одного такого воспоминания. Хотя о чем это я, ведь и семьи у нас давно нет.

Мое молчание мама воспринимает по-своему, устало зажимает пальцами виски и тяжело вздыхает. Блестящие звездочки на ее погонах слегка опускаются.

– Ты даже не представляешь, сколько у меня проблем на работе. Мы два года ведем очень сложное дело и почти его распутали. Но оно требует постоянной концентрации, там столько моментов, которые следует держать под контролем, столько всего может пойти не по плану, что и думать боюсь. И вместо того, чтобы все силы бросить на это дело и наконец закрыть его, я еду выгонять своего двадцатиоднолетнего сына на учебу. Да это смешно!

– Так не приезжала бы! – начинаю заводиться я. Встаю с кровати и отхожу к окну, поворачиваясь к матери спиной. – То, что ты пытаешься раз в неделю играть в заботливую мамочку, несомненно принесет тебе плюсик к карме.

– Ты несправедлив, Никит, – голос мамы болезненно дрожит. – Я всегда забочусь о тебе. Но сейчас, когда ты стал самостоятельным и взрослым, я думала, что имею право быть вовлеченной во что-то еще. Я же отказалась от работы ради тебя…

– Ой, не начинай, ма, – резко разворачиваюсь и взмахиваю рукой. – Я сто раз слышал это. Что я должен сказать?

Прости, мама, – громко выделяю голосом «мама», – что я подхватил воспаление легких в третьем классе, из-за которого меня посадили на домашнее обучение, а тебе пришлось уйди с работы, чтобы ухаживать за мной?

Снова отворачиваюсь к окну, лишь бы не видеть, как искажается ее лицо.

– Ой, да. В это же время отец наконец исполнил свою мечту и открыл собственный бизнес, а ты сидела со мной дома. Тебя это гнетет, Mommy?

Слышу ее удаляющиеся шаги. Сжимаю кулак и облокачиваюсь на оконный откос. Прислоняюсь лбом к нагретому солнцем стеклу и прикрываю глаза. Как же я ненавижу себя в этот момент. Я знаю, как ранят маму мои слова, и насколько они несправедливы. Но каждый раз детские обиды берут надо мной верх, и единственный человек, на которого я могу переложить свою боль – это мама. Раз за разом я обвиняю ее в выдуманных преступлениях, лишь бы компенсировать те чувства, которые испытываю сам. После ухода отца, после их развода и моего разрушенного счастливого детского мира.

Слежу за хрупким силуэтом, выходящим из подъезда. Мама идет быстро и ни разу не оборачивается. Иногда мне кажется, что я пережил все, что так сильно разбивало меня раньше. Но раз за разом находится повод, чтобы вытащить все это наружу и снова закопаться в своих травмах и обидах.

Какое-то время неподвижно стою у окна. Ехать в универ желания не возникает, поэтому я решаю, что могу позволить

себе пару беззаботных часов, и снова падаю на кровать. Вижу, как загорается экран телефона.

Макс: *братан, лови темы рефератов. Нужно сдать в понедельник, я договорился.*

Макс: *сделать надо железно, иначе нам крышка.*

Макс: *но сначала идем на вечеринку?*

Усмехаюсь и быстро набираю ответ.

Я: *идем*

Мне нужно снять стресс после этой сложной недели. И, отправив Максу сообщение, вопреки всем своим внутренним противоречиям, я поднимаюсь и еду в универ.

Глава 4

Музыка гремит в ушах, заглушая болтовню Макса и смех Ани. Я отрешенно рассматриваю собравшихся. Одни и те же люди, которые давно не привлекают моего внимания. Взгляд вдруг цепляется за темноволосую красотку. Она кажется мне незнакомой, поэтому я бессовестно ее изучаю, скользя взглядом от высоких шпилек по стройным ногам. На ней темно-бордовое платье-комбинация с разрезом до середины бедра и открытой спиной, которую перекрещивают тонкие ленты. Признаю, что выглядит она в этом платье крайне сексуально. Хотя уверен, без него она выглядит еще лучше.

Девушка чуть поворачивается, перекидывает темные волосы на спину, и я на пару мгновений залипаю на ее острых ключицах. А потом замечаю в ее руках стакан с простой водой. Серьезно? Эта девчонка пьет на подобной вечеринке воду? Либо она очень странная, либо слишком хороша для этого места. Хотя хорошие девочки не ходят на вечеринки, где так много плохих парней.

Мои размышления прерывает Максим, спрашивая что-то про новую машину, но из-за музыки я не могу разобрать вопрос и просто отмахиваюсь. Возвращаюсь взглядом к незнакомке. Смотрю, как ее пальцы с длинными ногтями сильно сжимают стакан. Замечаю серебряные цепочки, маленькими змейками обвивающие тонкие запястья. Я почти хочу

ее, осталось лишь увидеть лицо. Мысленно заставляю девчонку повернуть голову.

– Ну давай же, – шепчу едва слышно.

Она не поддается на мои мысленные уговоры, и я решаю действовать. Губы растягиваются в хищной улыбке, когда я поднимаюсь на ноги, беру со столика один из коктейлей и решительно направляюсь в сторону незнакомки. Дорогу преграждает Лена. За кривой ухмылкой пытаюсь скрыть разочарование. Не люблю, когда люди не понимают отказов. Наши отношения давно отжили свое, я потерял к ним интерес, о чем честно сказал Ленке три месяца назад.

– Привет, – растягивая гласные, громко кричит она мне на ухо.

– Виделись в универе, – следует мой равнодушный ответ.

– Какие у тебя планы на эту ночь? – прямой вопрос сопровождается игривым поднятием брови. Ее пальцы тянутся к моей рубашке и начинают обводить пуговицы.

Я бы рассмотрел Ленку в качестве варианта, если бы этой ночью мне было ужасно скучно. Но сегодня у меня появилась совершенно другая цель. Я снова смотрю в сторону незнакомки и встречаюсь с прямым взглядом ледяных глаз. Наш зрительный контакт длится всего пару секунд, а затем она отворачивается, словно полудохлый цветок в горшке ей интереснее, чем я. Прожигаю взглядом ее затылок, не в силах поверить, что девчонка, которая меня так привлекла, – чертова Воронцова. Да твою ж мать!

– Куда ты смотришь? – обиженно вскрикивает Ленка, которую, видимо, порядком достало, что я на нее никак не реагирую.

Не успеваю отвести взгляд, и она легко определяет предмет моего пристального внимания.

– Серьезно? – Ленка искренне удивлена и не пытается этого скрыть. – Ты что, уставился на Воронцову?

Тяжело вздыхаю. От этих девчонок ничего не скроешь! С ними совершенно никакой личной жизни!

– Совсем с ума сошла? – раздраженно отмахиваюсь я.

– Я видела, – с нажимом произносит Ленка.

– Во-первых, меня не привлекают тощие заучки, – почему-то все же отвечаю я. Возможно, чтобы убедить в этом и самого себя. – А, во-вторых, это вообще не твое дело. Мы расстались, оставь меня в покое.

– Козел!

– Вот и поговорили, – ворчу себе под нос, – вот и славно!

Настроение стремительно падает на несколько градусов, поэтому срочно нужно эти градусы принять. Меняю направление и иду к столу, где в два ряда стоят разномастные бутылки со всевозможным алкоголем. Выливаю ярко-голубое содержимое своего бокала в стоящий на полу цветок. Возможно, именно поэтому половина растений в этой комнате выглядят полудохлыми, кстати говоря. Наливаю в бокал колы и щедро добавляю виски. Вот это я понимаю – нормальный коктейль!

Выхожу из душной комнаты и прислоняюсь плечом к дверному проему. Прохладный воздух приятно освежает. На заднем дворе своя атмосфера: музыка сюда едва долетает, позволяя спокойно разговаривать, а не кричать; на небольших круглых столиках стоят полупустые бутылки, в которых отражаются цветные огоньки от висящих на деревьях лампочек. В бассейне плавают девчонки, которые пришли с определенной целью – продемонстрировать всем свои «новые купальники». Хотя середина мая – не самый разгар пляжного сезона, по моему скромному мнению. Безразлично пожав плечами, продолжаю свои увлекательные наблюдения.

Мысли снова возвращаются к главному разочарованию вечера. Делаю большой обжигающий глоток из стакана и сдерживаюсь, чтобы не сморщиться. Сам не понимаю, почему злюсь. Потому что я действительно запал на эту заучку, или из-за того, что она смотрит на меня как на кусок…

– Простите.

Игнорирую тихий голос за спиной и отпиваю из стакана. Ну и скука. Раздумываю над тем, не поехать ли прямо сейчас домой. И, может быть, прихватить кого-нибудь с собой. Все равно время детское, не усну, а так хотя бы скрашу этот тухлый день. Пока я лениво осматриваю присутствующих во дворе и выбираю лучшую кандидатуру, за спиной раздается вежливое покашливание. С недовольным видом поворачиваюсь и снова ловлю этот взгляд.

– Могу я пройти? – Воронцова складывает руки на груди

и кивает подбородком на дверной проем, который я почти полностью занял своим шикарным мускулистым телом.

– Так проходи, – бросаю я, не сдвигаясь ни на миллиметр.

Голубые глаза Воронцовой сужаются от злости, но она так и остается на месте. Вижу, как быстро начинает двигаться ее грудная клетка. Хотя, признаюсь честно, я смотрю не на всю грудную клетку, а на отдельную ее часть. Причем делаю это показательно и с дурацкой ухмылкой. Да, детка, платье-комбинация оно такое… довольно откровенное. Не зря же изначально такие вещи служили ночным бельем, уж слишком тонкая ткань.

Жду, когда Воронцова смутится от моего пристального внимания, но эта упрямая девчонка лишь вскидывает подбородок и спокойно расправляет плечи, словно позволяет и дальше себя рассматривать.

– Ты мне мешаешь.

– Нууу, – тяну с улыбкой, – это твои проблемы.

Отворачиваюсь, не дожидаясь ответа. Начинаю злиться еще больше. Она что, преследует меня? Вездесущая Воронцова. Нужно срочно выбросить ненужные мысли из головы, найти симпатичную девочку и укатить с ней в закат до моей квартиры. Ну просто план-капкан! Не знаю, зачем Воронцова так рвется на задний двор. Может быть, скоро пройдет конкурс мокрых плавок среди парней? Хотя нет, это же Воронцова. Скорее всего, объявили, что на заднем дворе нашли потерянную библиотеку Ивана Грозного, раз она ради этого

готова протиснуться через меня в узкий дверной проем.

Немного приподняв подол, отчего разрез задирается выше середины бедра, Воронцова переступает через мои ноги. Меня накрывает ее запах – едва ощутимый, с нотками зеленого чая. Чувствую прохладный шелк платья, когда ее грудь почти касается моей. Боги, что за напасть? До этого дня меня вообще не интересовало, что у Воронцовой есть грудь, а теперь пялюсь на нее, как малолетний извращенец.

– Ауч! Смотри, куда ставишь свои каблуки! Ты мне все ноги оттоптала.

Воронцова спокойно высвобождается из моего дверного плена и как ни в чем ни бывало поправляет платье. Затем поднимает на меня свои глаза-ледышки и спокойно говорит:

– Это твои проблемы.

Вместо того, что разозлиться сильнее, я застываю на месте и удивленно моргаю. Не говоря больше ни слова, Воронцова целенаправленно движется в сторону бассейна, а я как дурак провожаю ее взглядом.

– Ты куда пропал? – орет мне в ухо Макс, заставляя поморщиться.

– Собираюсь свалить с этой тухлой вечеринки.

– Да брось! Все не так плохо.

Максим хлопает меня по плечу и практически сбивает с ног, выходя во двор. Я раздраженно поправляю рубашку и делаю успокоительный глоток своего коктейля. Отобрав у кого-то бутылку пива, Максим возвращается ко мне и со ску-

чающим видом приваливается плечом к стене.

– Ленка снова про тебя спрашивала.

– Ага, мы уже виделись.

– Чего хотела?

– Да кто ж этих девчонок разберет? – пожимаю я плечами.

– Это точно, – кивает он.

Пока мы с Максимом разгадываем загадки вселенной, из дверей вываливается хозяин дома. Давно я не видел Глеба в таком состоянии. Он стоит в расстегнутой рубашке и держит в одной руке стакан, а в другой…

– Черт! – удивленно восклицает Максим. – Это что? Пистолет?

– Очень похоже на то, – соглашаюсь я, внутренне испытывая неприятное напряжение. Я, конечно, не ангел, но есть границы, которые я не переступаю.

Заметив оружие в руках Глеба, многие начинают нервно перешептываться. Самые отбитые воспринимают это с неприкрытой радостью, чуя новое развлечение, а адекватные – медленно двигаются к выходу. Мы с Максимом из вторых, поэтому переглядываемся и единогласно решаем отсюда свалить.

– Да не бойтесь вы! – громко смеется Глеб, поднимая пистолет над головой. – Это ж обычный травмат. За такое не сажают, спросите у Романова, у него мать прокурор. Я просто решил разбавить нашу вечеринку.

Меня немного успокаивает слово «травматика», но не

полностью. В руках нетрезвых людей этот пистолет способен навредить не меньше, чем настоящий. Убить, может быть, не убьет, но покалечить – вполне. Не желая становиться участником подобного цирка, я хлопаю Максима по спине.

– Я домой.

– Да, я с тобой, друг.

Мой взгляд безошибочно выхватывает из толпы макушку Воронцовой, словно на ней сегодня установлен GPS-маячок лично для меня! Она пытается обойти возбужденных девушек, столпившихся вокруг Глеба, но он внезапно преграждает ей путь. В тот же момент останавливаюсь и я. А я-то нафига?

– Уже уходишь, куколка? – противно скалится Глеб, не понимая, кто перед ним.

– Да, давно пора, – спокойно отвечает Воронцова, делая шаг назад.

– Не так быстро.

– Мне нужно домой, – упрямо настаивает она.

– А как же пострелять по бутылочкам? – Глеб всучивает ей травмат под мерзкое хихиканье окружающих. – Попадешь хотя бы в одну, отпущу тебя. Нет, лучше в три! А если нет…

Воронцова опускает взгляд на свои руки и хмурится. Уверен, по своей воле она никогда бы не притронулась к чему-то подобному. Но кто приходит на такие вечеринки, должен быть готов играть по правилам хозяев этих вечеринок. Мне не жалко ее – будет уроком на будущее.

Воронцова меня удивляет, когда не отшатывается от Глеба, а лишь окидывает его презрительным взглядом, а затем проходится им по толпе. Видимо, ищет, кому отдать пистолет. Но ни один вариант ее не устраивает, потому что все собрались посмотреть шоу, а не спасать бедную отличницу от неприятностей.

– Попасть нужно в одну бутылку? – побежденно уточняет она, не найдя поддержки.

– Всего в три, куколка, – хитро щурится Глеб. – Мы поставим их близко, не переживай, не промахнешься. Сейчас мы все организуем, – он подает знак парням, чтобы нашли подходящее место, и снова возвращается к своей игрушке. – Но учти, мы играем на желание.

Ну и дууура, – мысленно тяну я, когда она кивает. Да, Воронцова, ты даже не представляешь, какие желания у этих ребят. Но опыт никогда не бывает безболезненным, а шишки нужно каждому набивать свои. Как говорил кто-то из великих «чужие не болят». Она словно тоже это понимает, поэтому оглядывается по сторонам. Когда наши взгляды пересекаются, я криво улыбаюсь и поднимаю стакан, как бы говоря: я выпью за твой проигрыш.

Уж не знаю, кто бесит ее больше – я или Глеб, но после этого Воронцова производит какие-то манипуляции и сжимает травмат двумя руками. Затем, словно в западном боевике, вскидывает руки и спускает курок. БАМ! Повсюду раздаются испуганные визги, и даже бравые хмельные парни опус-

каются на корточки, когда на одном из столиков вдребезги разлетается бутылка с виски. БАМ! Парень, рядом с которым стояла очередная злосчастная бутылка, бросается в бассейн прямо в одежде. Я пригибаюсь, пытаясь прикрыть голову руками. Воронцова сошла с ума! Не дай бог пальнет мне куда-нибудь в ногу за все предыдущие шуточки!

Единственный, кто искренне наслаждается происходящим – это Макс. Он восхищенно присвистывает после каждого нового выстрела. Которых я насчитал уже три! А потом кукушка моего друга тоже едет, и он радостно орет:

– Даринка, давай эту в воздухе!

– Ты псих?! – ору я.

Бутылка пива, которую Макс держал в руке, взлетает в воздух. Он не настолько тупой, чтобы подбросить ее над нашими головами, догадывается швырнуть над пустым газоном. Воронцова медлит мгновение, а потом вскидывает пистолет и стреляет, почти не прицеливаясь. Я непроизвольно вздрагиваю, когда бутылка с оглушительным звоном лопается и осколки разлетаются во все стороны.

Наступившая тишина кажется неестественной. Испуганные девчонки прекращают визжать, а парни осторожно выглядывают из своих укрытий. По-моему, за эти мгновения Глеб почти протрезвел.

– Тебе нужно разобрать его и почистить, – говорит Воронцова, возвращая пистолет. Ее спокойный тон совершенно не вяжется с хаосом, который она тут устроила. – Первый раз

произошла осечка, мне пришлось сделать повторный спуск.

Оставив всех присутствующих в культурном шоке, Воронцова просто уходит.

– Офигеть! – Макс все еще находится под большим впечатлением. – Ты это видел?! Интересно, кто научил ее так стрелять? Это ж надо – даже мою в полете подстрелила!

Я настолько поражен увиденным, что не нахожу слов, чтобы прокомментировать восторг друга. Мне просто необходимо выпить, но, к моему великому огорчению, в стакане оказывается пусто. Не сразу замечаю, что пролил виски с колой на себя во время этой перестрелки и теперь стою мокрый.

Твою ж мать дважды! Чертова Воронцова!

Глава 5

Почти бегу до машины, не оглядываясь. Удары сердца заглушают остальные звуки, поэтому я не слышу звонящий в сумке телефон, замечаю лишь загоревшийся экран. Забываю, что на ногах неудобные новые туфли на высоком каблуке и бегу так, словно участвую в марафоне за золото Олимпиады. С облегчением вижу свою машину и делаю невозможное – прибавляю шаг. На ходу пытаюсь найти ключи, но едва подхватываю брелок, он тут же выскальзывает из дрожащих пальцев. Останавливаюсь и делаю несколько глубоких вдохов-выдохов. Успокаиваюсь и в этот раз достаю ключи.

Снимаю сигнализацию и сажусь в машину, тут же блокируя все двери. Сжимаю пальцами руль и упираюсь в него лбом. Мое дыхание тяжелое, мышцы напряжены. Я все еще не могу расслабиться после того, что произошло на вечеринке. Нервно усмехаюсь, вспоминая эффект, который произвели мои точные выстрелы. Испытываю искреннюю благодарность к Виктору Николаевичу, который занимался со мной стрельбой с тринадцати лет. До этого момента не афишировала свою любовь к занятиям в стрелковом клубе, и не думала, что этот навык мне когда-нибудь пригодится.

После смерти родителей я стала очень замкнутой, практически ни с кем не общалась и все свободное время проводила с дедом и Егором Семеновичем. Как-то раз они стреляли

по мишеням на заднем дворе, и дедушка предложил мне попробовать. Я, конечно, даже близко к цели не попала, но зато впервые меня что-то по-настоящему заинтересовало. После этого дедушка отвел меня к Виктору Николаевичу.

Руки перестают дрожать, и я запускаю двигатель. Выезжаю из частного сектора с красивыми дорогими домами и наконец дышу чуть свободней. Вижу звонок от Вари и ставлю на громкую связь.

– Привет!

– Привет, Варь.

– Ну что, как вечеринка? Ты обещала прислать хотя бы несколько фотографий, – обиженно говорит она.

– Прости, как-то не сложилось.

От воспоминаний о произошедшем по всему телу проходит волна напряжения. Стараюсь отогнать мысли о вечеринке, и концентрируюсь на дороге.

– Погоди, ты что, уже едешь домой? Я слышу какой-то шум.

– Да. Я и так задержалась там слишком долго.

– Ты совершенно не умеешь отдыхать. Вот приеду и обязательно затащу тебя в клуб!

– Не знаю, как дождаться этого момента, – честно отвечаю я. Без Вари чувствую себя одиноко и очень скучаю.

– Да не успеешь понять, как придет лето, а следом за ним прилечу я.

– Буду верить. Ты сама как?

– Завтра с мамой едем на шоппинг. Присмотрю тебе что-нибудь яркое, а то у тебя все вещи скучные.

– Эй, это базовые цвета, – возмущаюсь я.

– Это скука смертная, – смеется Варя. – Ты вообще себя в зеркало видела? Платье, которое я тебе привезла в прошлый раз, – отвал всего!

– Оно слишком открытое. Я замерзла, – ворчу я больше ради приличия, чем действительно жалуюсь.

– Ты неисправима. Сейчас договоришься, завтра куплю тебе платье, где ткани будет еще меньше.

– Не надо, прошу.

– Меня не остановить, детка, – веселится подруга. – Все, созвонимся позже.

Она скидывает, а я все продолжаю улыбаться. Улыбка пропадает, когда я снова вспоминаю об этой дурацкой вечеринке. Зачем я вообще стреляла по бутылкам? Может, нужно было промахнуться или вовсе не поддаваться на провокацию? Признаться честно, меня чуть не стошнило от волнения прямо на Глеба. О, вот была бы потеха, если бы это действительно случилось! Я не люблю привлекать к себе внимание, но мне не оставили выбора. Дедушка часто повторяет, что толпе нельзя показывать свою слабость. На вечеринке все жаждали развлечься за мой счет, а я не могла этого позволить. К тому же, когда я увидела довольное лицо Романова, резко захотелось доказать ему, что я не бедная овечка. Их компашка уже однажды испортила мне книги и телефон,

сегодня я не позволила унизить себя опять.

Задумавшись, не могу решить, сделала я лучше или хуже. Раньше меня считали нелюдимой заучкой, теперь же будут называть сумасшедшей. От меня не укрылось, как все испугались, стоило разлететься первой бутылке. В стрелковом клубе мы часто выполняли подобное упражнение на развитие внимательности и концентрации, поэтому мне не составило труда определить подходящие цели. Правда, Виктор Николаевич никогда не учил стрелять по бутылкам с элитным алкоголем, но других вариантов я не нашла.

Пока еду оставшиеся километры до дома, мысленно себя хвалю. Несмотря на стресс и волнение, мои руки не дрожали, а голос был ровным. И я не грохнулась в обморок! Что, несомненно, добавило плюсиков к моему триумфальному выступлению. Рассказать бы дедушке – вот, кто точно бы мной гордился! Но тогда придется рассказать, почему в моих руках вообще оказалось оружие, пусть и травматическое. А это не приведет ни к чему хорошему, но, возможно, приведет Глеба в приемный покой. Дедушка бывает жесток, когда дело касается моей безопасности.

Сворачиваю на подъездную дорожку и паркую машину на привычном месте. Через лобовое стекло любуюсь тем, как на город опускаются робкие первые белые ночи. Небо становится не привычного черничного цвета, а голубого. Облака напоминают розоватые клубы дыма, а Питер потихоньку теряет четкий контур. Хочется и дальше провожать закат,

но я ощущаю, насколько сильно устала морально и физически. Снимаю туфли прямо в машине и до дома иду босиком. Приветственно машу Егору Семеновичу, читающему книгу на террасе. Он с улыбкой кивает в ответ, никак не комментируя мой вид.

Поднимаюсь к себе, долго принимаю горячую ванну и только после этого чувствую себя менее напряженной. Забираюсь в кровать, закутываюсь в любимый плед и беру в руки телефон. Даже боюсь смотреть в чат нашей группы, случившаяся ситуация наверняка не осталась без внимания, но к моему удивлению, сообщений нет. Только Вика спрашивает, все ли со мной в порядке. Печатаю ей короткий ответ и откладываю телефон в сторону. От переизбытка эмоций раскалывается голова, поэтому я выключаю ночник и закрываю глаза.

Когда просыпаюсь на следующий день, все равно не чувствую себя отдохнувшей. Неохотно съедаю пару сырников на завтрак, хотя не испытываю чувства голода и не получаю удовольствия от вкусной еды. Пытаюсь сделать домашнее задание или почитать, но не могу сконцентрироваться. Мысли о вчерашнем вечере, словно надоедливые мухи, снова и снова атакуют мое сознание. Я испытала слишком сильные эмоции, которые не дают покоя. Мне нужно восстановить силы. Надеваю спортивную одежду, беру гимнастический коврик, блоки и спускаюсь в гостиную.

Расстелив коврик, удобно устраиваюсь в простой позе,

скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх. Первые минуты – это всегда сложно. Нет, не телу. Тело с радостью замирает. Хаос творится в голове. Он начинается тихо, с одного навязчивого вопроса: зачем я вообще пошла на эту вечеринку? А потом сыплются остальные. Почему Глеб выбрал именно меня на роль жертвы? Что значат странные взгляды Никиты, которые я ловила весь вечер? Какие слухи теперь пойдут по университету?

Мысли носятся разъяренными осами, жалят, гудят, не дают вздохнуть. Я не борюсь с ними, а словно наблюдаю со стороны. Представляю, что сижу на берегу реки, а хаотичные мысли – листья, плывущие по течению. Даю каждому листочку название. Первый – испытанная мной тревога. Второй – переживания по поводу слухов. Третий – страх, что подобное может повториться, а Глеб со своей шайкой от меня теперь не отстанет или захочет отомстить за нанесенный ущерб, моральный и материальный. Я смотрю, как эти листья появляются и исчезают, но не цепляюсь за них. Иногда какая-то особенно настойчивая мысль пытается вытащить меня с берега, утянуть за собой в мутную воду, тогда я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании.

Глубокий вдох на четыре счета. Я чувствую, как прохладный воздух наполняет мои ноздри, проходит через горло, расширяет грудную клетку, мягко толкает диафрагму вниз. Выдох на несколько секунд дольше вдоха. Тело сжимается, теплый воздух уносит с собой часть напряжения. Постепен-

но мысли очищаются и успокаиваются. Я начинаю чувствовать свое тело. Легкое покалывание в кончиках пальцев. Тяжесть закрытых век. Биение сердца – ровный, неторопливый стук, напоминающий о главном.

Плавно перехожу в позу ребенка, опуская лоб на прохладный коврик. Это поза смирения и покоя. Я чувствую, как растягивается моя спина, освобождаясь от невидимого груза, который я таскала на себе последние дни. Плечи наконец-то опускаются. Задерживаюсь в таком положении на несколько минут.

Встав на колени, упираюсь ладонями в коврик. Приходит время моей любимой позы кошки. Делаю плавные, волнообразные движения позвоночником. С каждым прогибом я как будто выжимаю из себя застоявшуюся энергию, а с каждым округлением спины – создаю новое, защитное пространство внутри себя.

Я заканчиваю, когда чувствую полное удовлетворения. Решаю напоследок полежать в шавасане[4], чтобы окончательно привести тело и сознание в порядок. Растягиваюсь на коврике, раскинув руки и ноги в сторону. Полная отдача. Я больше не чувствую границ между собой и полом, собой и воздухом в комнате. Мыслей почти нет. Они где-то далеко, за толстым стеклом. Я не счастлива, я – спокойна.

Когда через целую вечность я наконец открываю глаза,

---

[4] **Шавасана** — асана в йоге, часто используемая для релаксации в конце занятия.

комната кажется светлее, а воздух чище. Даю себе время ощутить реальность и медленно сажусь, чувствуя, как новая, тихая сила наполняет каждую клеточку.

Я без труда выполняю домашнее задание и, почувствовав легкий голод, отправляюсь на поиски чего-нибудь съедобного. Маша напекла вафель с кленовым сиропом, которые я без зазрения совести утаскиваю с кухни. Они мягкие и горячие, и я разделываюсь с половиной тарелки и незаметно возвращаю ее на кухню. Ищу Дина и Сэма и выхожу с ними гулять на улицу. Жизнь постепенно входит в привычный режим, и я стараюсь не думать о грядущем понедельнике, когда придется вернуться в университет.

***

С самого утра жду наступления грозы. И когда паркуюсь, и когда иду по неприятно длинным коридорам университета, и когда занимаю привычное место в аудитории. Мне кажется, словно каждый знает о случившемся и обязательно решит прокомментировать эту ситуацию. Уверена, сегодня я услышу не одну глупую шутку и стану предметом всеобщего внимания. Беру ручку и принимаюсь крутить ее в пальцах. Может, я слишком утрирую? Может, никто и не вспомнит о вечеринке? По сути, я не сделала ничего плохого. Меня не стошнило при всех, я не танцевала стриптиз на столе в гостиной, даже не напилась! Или что там делают отвязные студенты на подобных мероприятиях? Я просто постреляла по бутылочкам, и, надеюсь, зря себя накручиваю второй день.

– Привет!

Не замечаю, как ко мне подсаживается Кирилл.

– Привет, – натянуто улыбаюсь и нервно стучу ручкой по столу.

– Как дела?

Вроде бы дежурный вопрос вводит меня в ступор, и я долго смотрю на Кирилла. Он интересуется искренне или хочет услышать сплетни из моих уст?

– Сносно, – уклончиво отвечаю я, придя к выводу, что он не стал бы так со мной поступать.

– А мы с родителями ездили к тетке в гости. Не очень весело, знаешь ли. Хочешь морса? – Кирилл протягивает мне бутылку, но я отрицательно качаю головой. Он пожимает плечами и делает большой глоток.

Пока он достает тетрадь и остальные принадлежности, я бесцельно вывожу какие-то узоры на пустом листке.

– Кстати, знаешь, кто приедет в июне? – глаза Кирилла так горят только в двух случаях: либо речь идет о театре, либо о сериале «Теория большого взрыва». Он просто помешан на втором и мечтал поступить в политех, но из-за родителей не пошел.

– Нет, – улыбаюсь я. Тревога чуть отступает.

– Приедут актеры Большого театра с постановкой «Мастер и Маргарита»!

– Ты серьезно? – я роняю ручку от этой потрясающей новости. Я с самого детства люблю театр!

– Ага, – Кирилл явно доволен произведенным эффектом.

– Боже, я мечтаю сходить на этот спектакль!

– Я был уверен, что ты оценишь. Знаешь, мы могли бы…

– Привет, Воронцова.

Вот черт.

– Привет, – надеваю маску приветливой студентки и скупо улыбаюсь Лене Шадровой, застывшей перед моим столом со скрещенными на груди руками.

– На, – она швыряет мне пакет, из которого выглядывает кусочек белых джинсов.

– Видимо, сейчас я должна спросить, что это?

– Смешно, – зло бросает Лена.

– Лен, ну правда, не совсем понятно, что ты хочешь от Дарины.

– Я разговариваю не с тобой, Сафонов, – резко отвечает она.

– Нет, – спокойно подтверждает Кирилл. – Но ты очень невежливо вклинилась в наш разговор и устраиваешь эту сцену при мне, поэтому я являюсь ее участником.

Я благодарна Кириллу за поддержку, хотя так же, как и он, не понимаю, что Шадровой от меня нужно.

– Ты испортила мне брюки. Купишь новые, точно такие же, – заявляет Лена, сверля меня злым взглядом.

Вокруг собираются любопытные одногруппники, которые безуспешно делают вид, что их не интересует наш разговор. Лена тоже это замечает и начинает играть на публику. Брезг-

ливо морщит нос и кивает подбородком на пакет.

– Ты должна купить точно такие же, Воронцова, – она делает акцент на словах «точно такие же». – Не дешевую подделку из отделов, где обычно одеваешься сама.

– Эй, – Кирилл возмущенно складывает руки на груди. – Лен, это уже слишком.

– Я не собираюсь ничего покупать, – спокойно говорю я. – Я не имею отношения к тому, что ты испортила свои брюки.

– Нет, Воронцова, имеешь. – Лена упирается ладонями в стол и нависает надо мной. Против воли я откидываюсь на спинку стула, чтобы оказаться от нее подальше. – Когда ты в субботу начала палить из пистолета, как больная, какой-то придурок испугался и сбил меня с ног.

– И это, – я делаю паузу и неосознанно вспоминаю слова Никиты Романова, – твои проблемы, Шадрова.

Она на мгновение замирает, не ожидая такой реакции. Обычно я ни с кем не пререкаюсь, но после того, как я не дала себя унизить на вечеринке, не дам этого сделать и сейчас. За спиной слышу несколько смешков, кто-то явно в моем фан-клубе. Почему-то от этого не становится легче. Лена тоже слышит смешки, бросает взгляд куда-то над моей головой и выпрямляется. По ее накрашенным розовым блеском губам расползается улыбка.

– То есть ты не собираешься исправлять свои ошибки? – сладким голосом уточняет она, а я внутренне напрягаюсь.

– Я повторять не стану, – невозмутимо бросаю в ответ,

складываю руки на груди и отворачиваюсь.

Замечаю Глеба и Никиту, они стоят у входа и внимательно наблюдают за этим цирком. Глеб явно наслаждается происходящим и с улыбкой что-то говорит Никите. Романов же молчит, привалившись спиной к стене и засунув руки в карманы бомбера. И смотрит прямо на меня. По необъяснимым причинам я не отвожу взгляда, даже когда слышу слова Лены:

– Ладно, тогда поступим по справедливости.

– Эй! – громкий возглас Кирилла заставляет меня резко повернуть голову.

Дергаюсь от неожиданности, когда Шадрова хватает бутылку со стола и выплескивает содержимое прямо на меня. Морс мгновенно пропитывает белую рубашку и серую жилетку. В аудитории повисает абсолютная тишина.

– Вся твоя одежда стоит как половина моих брюк. Будем считать, что мы в расчете, – Лена улыбается и ставит пустую бутылку перед ошарашенным Кириллом. Он с сочувствием протягивает мне несколько влажных салфеток.

Все ждут моей реакции: и наслаждающаяся своей победой Шадрова, и молчащий Кирилл, и внимательно следящий за мной Никита. Первое желание – расплакаться и спрятаться. Оно такое сильное, что я почти поддаюсь ему. Но потом непонятно откуда появляются силы, чтобы спокойно взять салфетки и благодарно улыбнуться Кириллу. Теперь же во мне поднимает голову другое желание – ответить этой дряни

на ее языке.

– И как давно? – ровным голосом спрашиваю я, аккуратно стирая с подбородка липкий морс.

– Ты о чем, Воронцова? – усмехается Лена, понятия не имея, что я знаю одну маленькую тайну. Однажды я увидела, как отец силой заставлял ее зайти в кабинет психотерапевта. Кричал, что она больная и неуравновешенная, и он больше не хочет с этим мириться. Возможно, я поступаю как настоящая сука, но все же говорю:

– Как давно ты перестала принимать свои седативные препараты, Шадрова? Похоже, у тебя очередное обострение.

Мои слова попадают не просто в цель, а бьют по самому больному. Лена отшатывается и растерянно моргает, пока аудитория заполняется смехом. Все сочли это шуткой, не зная, какая правда кроется за моими словами. Вместо удовлетворения чувствую себя просто отвратительно. Желание разреветься становится сильнее, но я держу себя в руках. На негнущихся ногах поднимаюсь, собираю вещи и иду к выходу из аудитории. Когда равняюсь с Никитой, он тихо произносит:

– Десять из десяти, Воронцова. По шкале подлости.

– А не пошел бы ты со своим мнением к черту, Романов? – мило улыбаюсь я.

Выхожу из аудитории и начинаю бежать. Спотыкаюсь на лестнице и почти падаю, но успеваю удержаться. Дыхание сбивается, сердце готово переломать ребра, кровь стучит в

висках. Сама не понимаю, как добегаю до машины, распахиваю дверь и падаю на сиденье. И вот тогда меня накрывает настоящая истерика. Я лихорадочно пытаюсь стереть красные пятна липкого морса с шеи, лица и рук. Волосы тоже слиплись и выглядят просто ужасно. Слезы текут без остановки, но я оплакиваю не эту дурацкую рубашку, и не поступок Лены. Я плачу, потому что стала похожа на них. Сказанные слова горят на языке. Если отец отвел Лену к психотерапевту, значит, у нее в самом деле проблемы со здоровьем. Романов абсолютно прав – это подло. На десять из десяти.

Мне нужно с кем-то поговорить, поэтому я набираю Варю. Она отвечает не сразу, и я уже почти отчаиваюсь, когда на другом конце провода все же раздается ее голос. Быстро пересказываю ей, что произошло. И про вечеринку, и про морс, и про антидепрессанты. Варя утешает меня и говорит, что все в порядке. Она злится на придурка Глеба, на неуравновешенную Ленку, даже Никите достается за его комментарии. Меня немного успокаивают ее слова, но я все еще держу в голове свой главный страх.

– Варь, – перебиваю очередной поток оскорблений в сторону моих обидчиков. – Мне не следовало говорить тех слов. Я плохой человек?

– Нет, – ее твердый ответ помогает, и я чуть расслабляюсь. – Ты хороший человек, Дарин. Просто попала в плохую ситуацию, причиной которой тоже была не ты. Ты сделала это не для того, чтобы ее унизить или оскорбить, а чтобы

защититься. Да, ты ответила довольно грубо, но, во-первых, никто не знает про психотерапевта, поэтому не примут слова за правду, а, во-вторых, эта Шадрова должна понимать, что за все приходится платить. Не ответь ты ей сегодня, она бы думала, что ей все сойдет с рук, а в следующий раз ударила бы тебя или столкнула с лестницы.

– Да нет, – неуверенно тяну я.

– Если она почувствует твою слабость, то всегда будет этим пользоваться, уж поверь.

– Но я могла бы, например…

– Ну что? Пригрозила бы ей, что расскажешь куратору? Или огрела бы толковым словарем?

– Какие-то странные у тебя варианты, – обиженно всхлипываю я.

– Потому что я тебя знаю.

– Я против насилия.

– Сказала девчонка, которая чуть не прострелила голову половине курса, – хмыкает Варя.

– Эй! Я стреляла по бутылкам.

– Ага. А представляла их головы.

– Нет!

– Вот видишь, – чувствую в ее голосе улыбку. – Ты – хороший человек. Я бы точно представляла!

– Спасибо.

Мы болтаем до тех пор, пока я не убеждаю подругу, что со мной все в порядке. Хотя на самом деле я чувствую се-

бя неважно. Выхожу из машины, чтобы выбросить гору салфеток, которые все равно не спасли рубашку, и неожиданно вспоминаю, что на заднем сиденье лежит сумка со спортивной одеждой. В прошлую пятницу отменили пару по физкультуре, и я до сих пор катаю форму в машине. Забираюсь назад и быстро переодеваюсь в чистую одежду. Вернуться в университет я не могу, домой тоже ехать не хочу. Нужно прогуляться и прийти в себя. Запускаю двигатель и через несколько метров решительно сворачиваю направо. Чтобы справиться с этим состоянием есть только одно место – стрелковый клуб.

С полчаса катаюсь по городу, а потом решаю оставить машину на ближайшей парковке и пройтись пешком. Вдыхаю мягкий воздух, пропитанный запахом цветущей сирени, надвигаю кепку на лоб и начинаю свое мини-путешествие. Прокладываю путь по самым тихим дворам, куда обычно не заходят туристы с экскурсиями. Наслаждаюсь необходимой тишиной и выхожу на шумную набережную.

Покупаю себе несколько пышек и бутылку колы. Иду к Дворцовому мосту и присаживаюсь на нагревшиеся за день ступеньки. С удовольствием жую пышку и смотрю, как танцуют на волнах яркие блики от проходящего мимо катера. Жмурюсь, потому что солнца вокруг слишком много. Оно заливает воды Невы, превращая их в жидкое золото и зажигает шпили Петропавловского собора на другом берегу. Порой я забываю, насколько сильно люблю этот город.

Спустя два часа прогулки я оказываюсь перед дверями стрелкового клуба. Меня пропускают без вопросов, хотя и провожают удивленными взглядами. Я никогда не приезжала так рано. Первым делом иду в уборную, тщательно умываюсь и собираю волосы в высокий пучок. Затем иду к своему шкафчику и беру все необходимые вещи. Занимаю позицию, надеваю наушники. Расслабляюсь и позволяю себе не думать об окружающих, выбрасываю все мысли из головы.

Холодный металл в руках отрезвляет, когда я с силой сжимаю пистолет. Появляется мишень и все отходит на второй план. Есть только я и небольшой черный кружок. Вдох. Выдох. И я спускаю курок.

Домой возвращаюсь совершенно спокойная. Вечером вызываюсь помочь нашей кухарке приготовить ужин. Готовить я люблю, но в основном у меня хорошо получаются десерты. Сама я мало ем сладкого, но вот дедушка и Егор Семенович его любят, поэтому я иногда пеку что-нибудь для них. Сегодня решаю приготовить банановые кексы с кремом и свежими ягодами, и эти привычные хлопоты окончательно стабилизируют мое душевное равновесие.

Глава 6

Наблюдаю за тем, как крупные яркие бабочки порхают между цветами. Делаю глоток остывшего чая и размышляю, могу ли я прогулять первую пару. Второй день подряд я борюсь с нежеланием идти в университет. Раньше со мной такого не происходило.

Мысли о том, что я снова встречусь с Леной, вызывают приступ легкой паники. Я не хочу становиться ее целью, не хочу участвовать в этих ужасных сценах, мне не нравится негатив, который сопровождает каждый наш разговор. Может, в словах Вари есть доля правды? Вчера Шадрова плеснула мне в лицо морс, а сегодня что? Выбросит сумку из окна? Испортит еще какие-то мои вещи или не дай бог применит ко мне силу?

Кто-то стучит в окно, я вздрагиваю и проливаю немного чая.

– Ой, прости, – искренне извиняется Настя, когда я открываю дверцу. – Не хотела тебя пугать.

– Ничего, просто задумалась.

– Ты идешь? А то скоро начнется пара, можем опоздать.

– Да, да. Иду.

Беру сумку, быстро вытираю разлитый чай и выхожу из своего укрытия. Хорошо, что мне не придется идти одной. Вместе с Настей как-то спокойней. Хочу заговорить про

вчерашнюю ситуацию с Леной, но боюсь услышать правду. Вдруг я так сильно ее задела, что ей стало плохо? Вместо этого мы с Настей болтаем о предстоящих зачетах и даже успеваем обсудить несколько книг. Настя знает, что я работаю в библиотеке, и всегда рада поддержать беседу на эту тему. И хотя я очень благодарна за эту попытку отвлечь меня, я все же не могу не спросить:

– Насть, слушай, а вчера, когда я ушла, Лена, она…

– Она больше о тебе не вспоминала. Ну, сначала они перемыли тебе кости с Аней и Светой, а потом сели на последнюю парту и стали болтать с Глебом и Никитой. Ничего необычного.

– Ага, – киваю я.

Не могу сказать, что слова Насти полностью меня успокаивают. Когда мы подходим к аудитории, я мешкаю. В голове загорается тревожная кнопка, и я замираю. Не могу заставить себя сделать этот шаг и попасть под осуждающие взгляды одногруппников. Настя не замечает моей заминки и скрывается за дверью. Подтягиваю сумку к груди и обхватываю ее двумя руками. Все, время для спасительного бегства. Да простит меня Регина Игоревна!

– Давай, Воронцова, двигай, что застыла?

Только его сейчас не хватало! Игнорирую глупый вопрос Никиты и отхожу на пару шагов в сторону, чтобы не стоять в проходе. Вместо того, чтобы спокойно пройти в аудиторию, Романов приваливается плечом к дверному косяку и лениво

рассматривает меня.

– Что? – раздраженно спрашиваю я, сильнее сжимая сумку.

Под его изучающим взглядом неуютно, и я против воли смотрю на него в ответ. Зачем-то мысленно отмечаю, как ему идет эта белая футболка-поло. И сама не понимаю, почему так внимательно слежу, как губы Никиты растягиваются в улыбке.

– Влюбился. Вот стою – любуюсь.

– Что? – в этот раз мой голос звучит растерянно.

Никита не выдерживает и смеется, слегка запрокинув голову. А у меня в этот момент возникает дикое желание дать ему по этой голове чем-нибудь тяжелым.

– Тебе что вообще от меня надо? Иди, куда шел.

– Не могу, – отвечает он. – В эту аудиторию без отличниц не пускают.

Не замечаю, как перестаю паниковать и даже расслабляю напряженные руки. Раздражение на Никиту вытесняет остальные неприятные эмоции. Ни за что не признаюсь вслух, но я благодарна ему за это. Расправляю плечи и без страха вхожу в кабинет.

– Привет, – с улыбкой машу рукой Вике и Кириллу, шагая на свое место.

Мне не страшно, не страшно, не страшно, мысленно повторяю я. Хотя кого я обманываю?! Сжимаю кулаки, чтобы никто не заметил, как дрожат мои пальцы. Я так нервничаю,

что едва не рассыпаю ручки и карандаши из пенала. Буквально чувствую, как спину обжигают любопытные взгляды, но не оборачиваюсь. Всю пару сижу в таком жутком напряжении, что под конец начинает болеть голова.

Покидаю аудиторию одной из первых и быстро спускаюсь по лестнице. Мне просто необходимо на свежий воздух. Пусть я опоздаю на пару Новицкой, хуже мне точно не будет. Она и так не питает ко мне симпатии, на этот раз хоть будет стоящий повод меня отчитать.

Выбегаю на улицу, забыв про пиджак, о чем тут же жалею. Ежусь от пронизывающего весеннего ветра и обхватываю себя руками. Несмотря на прохладную погоду, упрямо шагаю к Ботаническому саду. Там прячусь на одной из скамеек и мысленно проговариваю все положительные моменты, случившиеся за это утро: меня никто не оскорблял, не пытался испортить одежду или сделать что похуже. Неплохое начало, как по мне. Осталось пережить еще одну пару и поговорить с научным руководителем по поводу курсовой. План кажется вполне выполнимым, и я немного успокаиваюсь.

Окончательно замерзнув, я поднимаюсь, поправляю одежду и возвращаюсь в университет.

***

– Точно не пойдешь на пару? – толкает меня в бок Максим, вгрызаясь в огромный бургер.

– Не горю желанием.

– Сколько пар бизнеса ты посетил в этом семестре? – спрашивает Глеб, широко зевая.

– Гордеев, ты что, следишь за моей посещаемостью? – хмыкаю я.

– Ага. Мне без тебя там скучно. Елена – красотка, но такая нудная. Задолбала со своей аналитикой.

– Ой, назови хоть одного препода, к которому ты ходишь с желанием, – смеется Максим, откидываясь на спинку стула и вытирая руки салфеткой.

– Дай подумать, – Глеб скребет пальцем подбородок. – Таких не имеется. Но бизнес – полный отстой, ну согласись. Ты сам выживаешь только на рефератах, которые покупаешь.

– Потому что я – гуманитарий. И если б не отец, ноги моей не было бы в этом универе.

– Чует мое сердце, что мы все лето будем всей группой ходить к Елене на пересдачу. Хотя тебя, Ник, она просто не допустит к зачету. Ты ж реально к ней вообще не ходишь.

– Аналитика – это не мое.

– Но что-то в зачетке по ней стоять должно, – пожимает плечами Глеб.

– Да какая разница, если «зачет» все равно светит только Тюкаловой, Сафонову и Воронцовой? – справедливо добавляет Максим.

– Воронцова тоже под вопросом.

– Почему? – неожиданно интересуюсь я.

– Потому что она умнее Елены, – веселится Глеб.

– Прикалываешься?

– Нет, – качает головой Максим, рассматривая меню. Неужели хочет заказать что-то еще?

– Воронцова пару раз исправила преподшу, а Елена за это снизила ей балл за реферат. Я даже потом погуглил – Воронцова оказалась права. Уверен, на зачете ей это аукнется.

– Да, – соглашается Максим. – Ты бы видел, как Елена злилась, когда Даринка ее поправила. Совсем не умеет признавать ошибок.

– Она просто не видела Воронцову в гневе, – многозначительно улыбается Глеб. Максим тут же начинает согласно кивать. Видимо то, как она в выходные палила по бутылочкам, впечатлило нас всех одинаково. А еще ситуация с Ленкой, которая хоть и затаилась, но уверен, вынашивает план мести. – Мне отец потом такие разборки устроил. Соседи нажаловались, а мне пришлось доказывать, что мы просто развлекались. Хорошо хоть ментов не вызвали.

– Сам виноват, – без толики сочувствия фыркаю я. – Хватило ж у тебя ума притащить травмат.

– Да я же реально хотел просто ради прикола пострелять по пустым бутылкам во дворе! – оправдывается Глеб, раздраженно отталкивая от себя стакан с газировкой. – Кто ж знал, что Воронцова вообще без тормозов?

– Но стреляет она классно, – беззаботно комментирует Максим.

– Ей просто повезло, – ворчит Глеб.

– Ну конечно.

Они начинают препираться, а я достаю телефон и бездумно листаю ленту. Затем открываю сообщения от механика, которого я просил скинуть несколько ссылок на новую резину. По очереди просматриваю варианты, когда меня снова зовет Максим.

– Ник?

– М?

– Ты участвуешь в субботу?

Не сразу соображаю, что он говорит про очередную гонку. Мой ответ напрямую зависит от того, смогу ли я найти нормальную резину. Делаю мысленную пометку заехать сегодня в сервис и обговорить этот момент.

– Пока не решил.

– Да хорош! – Глеб выпрямляется и сверлит меня взглядом. – Мы давно не собирались, давай покатаемся. Отец наконец вернул мне машину, уж я отмечу это дело как надо! Или боишься, что я тебя сделаю?

– Да пошел ты, – расслабленно бросаю я. – У тебя реально проблемы с аналитикой. Иначе ты бы смог предположить, что в субботу снова придешь вторым. Или третьим.

– Вот и проверим, если ты не зассышь.

Вместо ответа показываю ему средний палец, на что Глеб реагирует смехом. Мы никогда с ним серьезно не ссоримся, ограничиваясь дружескими перепалками. Хотя на этот раз шутка лишь отчасти. В субботу будет не просто гонка, а

«шашки»[5] – один из самых опасных видов заездов, поэтому не все рискуют в них участвовать.

– Ладно, потом обсудим. Нам пора на пару, и так уже опаздываем на десять минут. Давай, Гордеев, шевелись, – командует Максим, первым поднимаясь из-за стола.

– Все равно ж опоздали, нафига торопиться? – резонно уточняет Глеб, но все же встает.

– Наберу тебя вечерком, Ник, – говорит Максим на прощание, и они уходят из кафе.

Мне торопиться некуда, поэтому я заказываю еще один стакан кофе и снова беру в руки телефон. Выбираю резину, пишу механику, одним словом, – готовлюсь в субботу надрать Глебу зад. Откладываю телефон, делаю несколько глотков кофе и рассматриваю посетителей. Замечаю двух девушек, сидящих через столик. Задерживаю взгляд на одной из них дольше приличного. Не припомню, чтобы видел ее раньше. Скорее всего, первокурсница или, может, перевелась из другого универа. Сейчас девчонки выглядят так, что просто невозможно определить возраст.

Звонит телефон. Скидываю звонок от матери. У нее словно чуйка – как только я заговариваю о гонке, она тут же объявляется. Даже не сомневаюсь, что опять начнет учить меня жизни. А у меня сегодня нет настроения это слушать.

– Привет.

---

[5] Шашки, или светофорные гонки — незаконные гонки по дороге с обгоном машин и переездом на красный сигнал светофора.

Поднимаю голову и вижу ту самую девушку, сидевшую через столик. Одной рукой она придерживает лямку рюкзака, а другой убирает светлую прядь за ухо.

– Присядешь?

Девушка сбрасывает рюкзак на пол и садится на место, которое до этого занимал Максим. Складывает тонкие руки на столешнице, словно прилежная ученица, и выжидающе смотрит на меня.

– Кофе? – предлагаю я.

– Нет, спасибо.

– Ты новенькая? Не помню, чтобы видел тебя раньше.

– Ты вроде Ник, да? Слышала, как тебя называл друг. Меня зовут Даша. Перевелась к вам две недели назад.

– И тебя приняли в конце года?

– Папа заплатил столько, словно я училась здесь с первого курса. А я заканчиваю второй, – фыркает Даша, откидывая волосы на спину и складывая руки на груди.

– Хорошо, когда есть деньги.

– Тут у всех они есть, разве нет?

– Нет. Я, например, на бюджете.

– Правда? – Даша окидывает меня полным сомнения взглядом.

– Правда, – спокойно вру я.

– Ну, значит, ты не только симпатичный, но еще и умный.

– Очень.

Даша чуть подается вперед и упирается локтями в стол.

– Проведешь мне экскурсию?

Улыбаюсь и протягиваю ей телефон, чтобы вбила номер. Пока не уверен, напишу ли ей, но контакт пусть будет. После этого мы прощаемся, она возвращается за столик к своей подружке, а я выхожу на улицу. Жмурюсь и надеваю солнцезащитные очки. Быстро пересекаю аллею и выхожу на парковку.

В машине так душно, что я стягиваю толстовку через шею и бросаю ее на заднее сиденье. Едва запускаю мотор, салон наполняет чистый звук из новых колонок. Прибавляю громкость и медленно трогаюсь. Решаю попутно просмотреть профиль Даши в соцсетях. Пролистываю несколько последних постов. Ага, оказывается она училась в Германии. Видимо, чем-то провинилась, раз отец выдернул ее домой. Открываю случайную фотографию и хочу приблизить ее, как вдруг слышу глухой удар. Резко торможу и швыряю телефон на сиденье. Смотрю на дорогу и ничего не вижу. Я что, наехал на отбойник?

Выхожу из машины, чтобы понять, что произошло. Делаю два шага и замираю. Да твою ж мать! Я сбил чертову Воронцову!

– Воронцова, ты совсем сошла с ума? Если решила покончить жизнь самоубийством, то почему под колесами моей машины?

– Ты больной, Романов? – также грубо отвечает она, растирая разбитый локоть.

– Учти, самоубийцы – сразу в ад, – назидательно говорю я.

– А тупицы – сразу в тюрьму, – резко парирует она. – Я шла по пешеходному переходу, а ты меня сбил.

С сожалением осознаю, что она права. Сажусь на корточки и принимаюсь собирать выпавшие из ее сумки вещи. Незаметно стараюсь осмотреть Дарину на наличие сильных повреждений. Она сидит на асфальте, болезненно морщится и потирает левую руку. Ссадина солидная, но я ее хотя бы не убил – это несомненный плюс.

– Эм… Ну ты как? Нормально?

Дарина одаривает меня красноречивым взглядом, в котором отчетливо читается, что я полный идиот. Что не так далеко от правды, надо признать.

– Ой, да не смотри ты на меня так! Скорость-то была детская.

– Скажи честно: ты права купил? – спрашивает Дарина, поправляя свою пострадавшую от падения одежду.

– Нет, конечно, – искренне оскорбляюсь я. – Я все с первого раза сдал.

– Сомневаюсь.

– Так, Воронцова, – я выпрямляюсь и вешаю себе на плечо ее сумку, – давай вставай. Я провожу тебя до остановки или подвезу, если хочешь.

– Нет уж, – фыркает она. – Я сама справлюсь.

Складываю руки на груди и со снисхождением наблюдаю за ее слабыми попытками подняться с асфальта. Вслух не

признаюсь, но переживаю, чтобы последствия нашего столкновения были не очень серьезными. Мне уже стыдно смотреть на ее содранный локоть. Уверен, от удара выступит еще не один синяк. Дарина ищет опору, и как только встает, болезненно охает и заваливается. Успеваю подхватить ее в последний момент.

– Голова закружилась? – встревоженно уточняю я.

– Нет, – сдавленно выдыхает Дарина, сдерживая слезы. Она сильно сжимает мою ладонь, впиваясь в нее острыми ногтями, и стоит только потому, что я ее поддерживаю.

– Нога? – озвучиваю очевидный ответ я.

Дарина кивает, закусывая губу. Черт! Черт! Черт!

– Давай я отвезу тебя в больницу?

– Нет, – поспешно качает головой она и выпускает мою руку. Стоит на правой ноге и обхватывает себя руками, отчего царапины на левой руке тут же начинают кровоточить. – Все нормально, правда.

– Нет, не нормально, – настаиваю я. Встаю прямо перед ней и подаю руку. – Мы едем в больницу.

– Уже почти не болит, – хмурится Дарина, отводя взгляд.

Вредная, упрямая девчонка! Понимаю, что злиться сейчас не вариант, ей и так плохо. Глубоко вдыхаю, осторожно подхватываю Дарину под локоть и почти силой веду к машине.

– Да отцепись ты от меня! – возмущается она и старается вырвать свою руку.

– Нет.

– У меня есть машина, я сама могу доехать до дома.

– Мы едем не домой, Воронцова, – сквозь зубы цежу я. – Мы едем в больницу.

Пока она обиженно сопит, я усаживаю ее на переднее сиденье. Вижу, как она жмурится, когда приходится пошевелить левой ногой. Быстро возвращаюсь за руль и осторожно выезжаю с парковки на дорогу. Бросаю на Дарину беглый взгляд.

– Ты в порядке?

– Ага.

– Сильно болит? – не удерживаюсь от вопроса я.

– Нет, – следует скупой ответ.

– Что ты вообще там делала? У тебя же сейчас пара.

Дарина молчит, нервно кусая губу. Либо не слышит меня, либо игнорирует.

– Эй, колючка, – намеренно вывожу ее на эмоции.

Работает. Она смотрит на меня с нескрываемым раздражением, на что я лишь вопросительно выгибаю бровь.

– Прогуливаешь?

– Нет. В отличие от тебя.

– Польщен, что ты беспокоишься за мое образование. Но да, я прогуливаю. А ты почему болталась на парковке вместо того, чтобы усердно грызть гранит бизнес-аналитики?

Вижу, как она недовольно хмурит брови. Неужели правда прогуливает? Мои губы растягиваются в улыбке, а Дарина сердится еще больше.

– Не смешно. И я не прогуливаю.

– Ой, Воронцова, не обманывай – заработай плюсик к карме.

– Меня выгнала Новицкая, – неожиданно признается она.

– Что? Ты серьезно? – смеюсь я, недоверчиво косясь на нее. Она сердито смотрит на меня в ответ. – Ладно, ладно, верю. Но за что? Ты же умница-отличница, чем не угодила Елене Владимировне?

– Пришел бы на пару – узнал бы, – отрезает она, отворачиваясь к окну.

Пока Дарина, насупившись, смотрит на мелькающие однотипные многоэтажки, осторожно придерживая травмированную руку, я ищу в поисковике адрес ближайшей частной клиники. К счастью, до нее оказывается всего десять минут езды. Паркую машину почти перед входом и открываю пассажирскую дверь.

– Вот черт, – выдаю я, когда вижу распухшую лодыжку Дарины. – Тебе нужно снять туфли.

– Я не пойду босиком.

Какая же она вредная! У меня сдают нервы. В моменте хочу бросить ее здесь и уехать домой, но тут же отказываюсь от этой эгоистичной мысли.

– Снимай туфли, – сдерживая раздражение, прошу я.

Дарина несколько мгновений смотрит на меня, но потом чуть наклоняется вперед. Вижу, как ей неудобно расстегивать ремешки одной рукой, и с тяжелым вздохом присажи-

ваюсь на корточки. Отвожу ее руку, обхватываю распухшую лодыжку пальцами и осторожно расцепляю замочек. Дарина замирает и, кажется, совсем не дышит. Как можно аккуратнее снимаю с больной ноги туфлю на высоком каблуке.

– Вторую тоже надо снять, – объясняю я свои действия, когда беру правую ногу.

Становится подозрительно тихо. Думаю, что эта колючка придумывает какой-нибудь острый комментарий, но вдруг слышу тихое:

– Спасибо.

Как только я немного отодвигаюсь, Дарина опускает ноги, почти касаясь земли. Останавливаю ее и тянусь, чтобы взять на руки.

– Ой, не надо. Я сама дойду, – испуганно вздрагивает она.

– Ага, – говорю я и, несмотря на возмущения, поднимаю ее на руки.

Дарина превращается в статую. Маленькую хрупкую статую, которую я почти разбил. Но мне тоже нужны плюсики к карме, поэтому поудобнее перехватываю свою ношу и осторожно поднимаюсь по ступенькам. Кто-то из санитаров открывает перед нами дверь, и мы заходим в просторный светлый холл.

– Посиди немного, – прошу я, аккуратно усаживая Воронцову на скамейку. – Никуда не убегай.

Подмигиваю ей и иду к стойке регистрации, где объясняю ситуацию. Оплачиваю прием и возвращаюсь назад. Сажусь

рядом с притихшей Дариной.

– Принести тебе бахилы? – весело интересуюсь я.

– Лучше запишись на МРТ головного мозга, – предлагает она. – Кажется, у тебя он отсутствует.

Не обижаюсь на сомнительный совет и по-новому смотрю на сидящую рядом девушку. Оказывается, она не всегда ведет себя, как нудная заучка. Ее выгнали с пары, острит в ответ на мои слова, поставила на место Шадрову и круто стреляет по бутылкам. Что-то в этой девушке определенно есть. Ага, и ты разглядел это еще на вечеринке, когда пялился на нее, мерзко подсказывает внутренний голос.

– Объяснить, что такое МРТ? – вопросительно выгибает бровь она.

– Разочарую тебя, колючка, но я не тупой.

– Зато точно слепой. Как можно было не заметить человека на пешеходном переходе?

– Sorry.

Чуть наклоняю голову набок и пожимаю плечами. Впервые Дарина смотрит на меня не с раздражением, а с намеком на улыбку. Хочется верить, что ей просто сложно устоять против моего обаяния. Подмигиваю, а она тяжело вздыхает.

– Дарина Алексеевна?

К нам подходит мужчина в деловом костюме и снимает очки в тонкой оправе. Без слов тянется к травмированному локтю Дарины, возвращает очки на нос и внимательно осматривает руку.

– Здравствуйте, Матвей Арсентьевич, – тихо приветствует она.

– Снимок сделали?

– Нет, мы только что приехали.

Мужчина осторожно выпускает локоть Дарины и качает головой, заметив распухшую ногу. Он громко отдает несколько команд санитарам, и Дарину уводят в смотровой кабинет. Задумываюсь, почему этот врач зовет ее по имени и отчеству, и не замечаю, как остаюсь в коридоре один.

За следующие десять минут успеваю прочитать все висящие на стенах плакаты, дважды прохожусь от стены до стойки администрации. Несколько раз спрашиваю о результатах осмотра, но мне ничего не говорят. Зато когда в клинике появляется высокий седой мужчина, который представляется Дариниым дедом, ему выдают всю информацию. Подслушиваю, что у нее сильные ушибы и перелом ноги. Твою ж мать!

Решаю больше не гневить судьбу и семейство Воронцовых. Раз к Дарине приехали сочувствующие родственники, я точно здесь лишний. Бросаю последний взгляд на дверь, за которой она скрылась, и с почти спокойной душой покидаю клинику.

Глава 7

Звонок матери будит меня раздражающе рано. Скидываю его и снова успешно засыпаю. Пока кто-то не начинает без остановки звонить в дверь. Видимо, отоспаться этим чудесным утром мне не удастся. К гадалке не ходи, это мама прикатила. Сонно жмурюсь и иду открывать. По пути пытаюсь стереть след от подушки, которая отпечаталась на правой щеке. Получается плохо.

– Ты правда сбил человека?!

Пропускаю маму в квартиру и морщусь. Зачем так кричать?

– Правда, – не вижу смысла отрицать я. Раз она задает такой вопрос, значит, ей обо всем доложили, уверен, что подробно и с доказательствами. Возможно, приложили фотки с места преступления.

– Ты с ума сошел? Ты хоть представляешь, что сейчас начнется?

– Не драматизируй, Mommy, – тяну я и иду на кухню. Совершенно не разделяю ее тревоги, потому что Дарина жива и невредима. Ну, почти. – Кофе будешь?

Мама бросает сумку на стул и раздраженно взмахивает руками.

– Ты хоть понимаешь, что нанес этой девушке тяжелые травмы? У нее подозрение на сотрясение мозга, сильные

ушибы и перелом левой ноги!

Это становится неприятной новостью. Конечно, я понимал, что не стоит ожидать ничего хорошего от распухшей лодыжки Воронцовой, но перелом – это полная подстава.

– Я извинился.

– И считаешь, что этого достаточно? – взвинчено спрашивает мама.

– Что ты о меня хочешь? – прямо говорю я, ставя перед ней чашку кофе. – Уже ничего нельзя исправить.

– Ты хоть понимаешь, что если она напишет заявление, то тебя лишат прав и привлекут к административной ответственности? – Мама пристально смотрит на меня. Она знает, на что давить: права – одна из немногих вещей, которыми я действительно дорожу. Перспектива получить штраф не так расстраивает, как лишение водительского удостоверения.

– Но, как я понимаю, пока не написала? – Я приваливаюсь поясницей к рабочей поверхности. Смотрю на маму и делаю большой глоток обжигающего кофе. Почему-то я ни на миг не допускаю мысли, что Дарина так сделает.

Мама молчит несколько секунд, а затем садится на стул, словно ее резко покидают силы. Она зажимает пальцами виски и медленно их массирует.

– Нет. Но ты не радуйся, она может передумать в любой момент.

– Она не напишет заявление, – твердо возражаю я.

– С чего такая уверенность, Шерлок? – раздраженно бро-

сает мама, вскидывая голову. Видимо, она зарядилась и готова к новому потоку угроз и запугиваний. – Если она запросит видео с парковки и возьмет выписку из больницы, то твою вину признает любой суд. Единственное, что немного смягчает совершенное тобой преступление – это то, что ты не покинул место аварии, а оказал ей помощь и отвез в больницу.

– Ну и кто из нас Шерлок? – не удерживаюсь от шутки я, хотя мне далеко не весело.

– Хватит! – резко обрывает меня мама. Мда, чувством юмора я явно пошел не в нее. – Знаешь, кто ее дед?

– Какой-то мужик в костюме, – пожимаю плечами и открываю холодильник, чтобы соорудить себе бутерброд. – Видел его в больнице.

– Это не просто какой-то мужик. Измайлов был одним из самых опасных бандитов в прошлом. И сейчас его влияние очень велико.

– Эх, Mommy, плохо работаешь. Что же ты его не посадила в таком случае?

– Потому что он хитрый и умный. – Мама отворачивается и смотрит в окно, я искоса поглядываю на нее. – Мы ни разу не смогли доказать его вину.

– Сейчас не девяностые, – хмыкаю я. – Нет смысла его бояться.

В голове неожиданно сходится несколько пазлов. Становится понятно, почему Дарина так хорошо стреляет. С гена-

ми не поспоришь, как говорится.

– Значит так, слушай меня очень внимательно. – Мама поднимается и встает прямо передо мной. Выглядит она воинственно. – Ты сегодня же должен поехать к этой девушке и сделать все, чтобы она не написала заявление. Я скинула тебе адрес в сообщении. Меня не волнует, как ты это провернешь. Обещай ей все что угодно. Предложи денег.

– Ага, может, мне еще до конца года за нее домашку делать? – фыркаю я, глядя на маму сверху вниз. Могу себе это позволить, я класса с десятого выше ее почти на две головы.

– Не выдумывай, – отмахивается она от моего щедрого предложения и хмурится. – Я читала информацию об этой девушке. Она отличница.

– Сейчас подкину тебе эксклюзив. – Я наклоняюсь и понижаю голос до шепота: – У Воронцовой проблемы с бизнес-аналитикой.

– Хватит паясничать, – устало просит мама.

– И в мыслях не было! – вру я. – Мы тут вообще-то серьезные темы обсуждаем.

– Можешь и дальше строить из себя клоуна, но знай, что я не смогу помочь, если твоя Воронцова напишет заявление. Потому что ты виноват и ответишь за это по всей строгости.

– Как скажешь, Mommy.

– И учти, – ее голос становится жестким. – Даже не думай, что сможешь сесть за руль без прав, уж об этом я позабочусь. Меня не волнует, лишат тебя их или нет, я переживаю лишь

за то, что могут завести дело.

Она не шутит, отчего я начинаю злиться. Мама прекрасно знает, что на меня подействует эта угроза. Она уходит, а я раздраженно швыряю чашку с недопитым кофе в раковину. Мать и Воронцова просто созданы, чтобы портить мою жизнь!

Понимаю, что откладывать встречу, от которой зависит судьба моих прав, не имеет смысла. Мне все равно придется поехать домой к Дарине и поговорить с ней и ее дедом. Быстро собираюсь, заезжаю в банкомат, чтобы на всякий случай снять денег. Я пытаюсь вспомнить, почему все в группе думают, что Дарина из бедной семьи, и не могу ничего припомнить. Да, она учится на бюджете. Да, она все время ходит в форме, которую, к слову, соблюдает буквально несколько человек во всем универе. Да, телефон, который мы однажды утопили в фонтане, был древний и не особо крутой. Но слова матери о ее деде не выходят из головы. Неужели лихой бандит из девяностых не прихватил из своего криминального прошлого финансовую подушку? Верится с трудом.

Решаю заехать купить цветы и сладостей. Хотя, зная эту заучку, ей больше бы подошел букет из книг. Что-нибудь наподобие «Вина из одуванчиков» или «Аленького цветочка». Усмехаюсь про себя и отказываюсь от этой мысли, а пока флорист собирает букет из нежно-розовых пионов, вбиваю адрес Дарины в навигатор. Судя по карте, они живут ближе к окраине города в частном секторе. Я никогда раньше не

был в той местности. Черт, надеюсь, мне там не прострелят коленку, ведь гангстеры бывшими не бывают.

Экран телефона загорается, и я с удивлением вижу фотографию отца. У нас что сегодня, родительский день?

– Прием.

– Ты что, сбил человека?

– Где-то я это сегодня слышал, – ворчу себе под нос.

– Что? – голос отца звучит раздраженно и, в отличие от моего, очень громко.

– И тебе добрый день, папа.

– Ты слышал, о чем я тебя спросил?!

– Слышал, но не понимаю, зачем ты звонишь? Мать тебе уже все доложила. Или ты просто соскучился?

– Перестань дерзить!

– У нас с тобой разные представления о дерзости, – просто говорю я, останавливаясь на светофоре.

– Ты знаешь, что вопреки словам матери, я поддерживал твое увлечение машинами. Я лично купил тебе ту, что ты хотел. Но это зашло слишком далеко.

– О чем ты говоришь? Я никого не убил. Это произошло случайно. На парковке! Я ехал, как улитка.

– Это все пустые отговорки.

– Что ты от меня хочешь?

– Если заведут дело, я заблокирую твою карту.

– Можешь еще машину забрать, – предлагаю я. Смешно, что отец шантажирует меня подобным. Он живет в приятном

неведении и явно забыл, что мне давно не шестнадцать. Я несколько лет не завишу от его спонсирования, у меня есть собственный счет, который я пополняю после каждой успешной гонки.

– Не дави на жалость, Никит. Это подарок, и она принадлежит тебе. Но ты должен осознавать, что за каждый поступок приходится платить.

– И ты воспринял эту крылатую фразу буквально?

В трубке на несколько мгновений повисает тишина. Да, философские разговоры – это не к отцу.

– Ладно, если ты все сказал, давай прощаться. У меня важные дела. Пока.

Скидываю звонок и въезжаю в частный сектор. Где-то среди этих богатых коттеджей, по идее, стоит дом семьи Измайловых-Воронцовых. Мои предположения о том, что они не имеют недостатка в деньгах, подтверждаются. Что ж, зря только снимал деньги. Вариант подкупить Дарину отпадает.

Когда навигатор показывает, что я на месте, я останавливаюсь и в нерешительности смотрю на высокий кованый забор. Присвистываю, заметив за ним большой красивый особняк.

К моей машине подходит высокий мужчина в строгом костюме и стучит в окно, заставляя меня напрячься. Запоздало осознаю, что дед Воронцовой не просто богатый, а очень богатый, раз может позволить себе собственную охрану. Натягиваю милую улыбку и опускаю окно.

– Добрый день.

– Здравствуйте, молодой человек, – вежливо отвечает охранник. – Могу узнать о цели вашего визита?

– Эм. Я учусь на одном курсе с Дариной. Можно сказать, мы с ней лучшие друзья, – сочиняю на ходу я.– Заехал ее навестить. Слышал о ситуации с ногой.

– Представьтесь, пожалуйста, чтобы я мог сообщить Дарине Алексеевне ваше имя.

– Никита Романов. Она будет в восторге. Мне кажется, Дарина Алексеевна ко мне неравнодушна.

– Подождите минуту, – абсолютно безэмоционально просит охранник. – Я уточню некоторую информация.

Чувствую себя так, словно попал в фильм про Джеймса Бонда. У них там что, спрятан золотой фонд или какая-нибудь шапка Мономаха? Надо расспросить маму о мутных делах деда Воронцовой, вдруг правда?

Терпеливо дожидаюсь «минуту», которая перерастает в три, и прокручиваю в голове самый странный и одновременно не самый приятный разговор в моей жизни, в котором мне предстоит участвовать. С опозданием понимаю, что я слабо к нему подготовился. Как я вообще должен убедить Дарину не писать заявление? Что ей такого пообещать, чтобы она согласилась?

– Все в порядке, проезжайте.

Охранник кивает на открывающиеся ворота, и я медленно трогаюсь с места. Не перестаю удивляться масштабам особ-

няка и окружающей его территории. Повсюду растут невысокие ухоженные деревья, живые изгороди образуют что-то похожее на мини-лабиринт, а от ворот до самого дома тянется вымощенная розовым камнем дорожка. До этого момента мы считали, что самый крутой дом у Глеба, потому что у них есть небольшой бассейн на заднем дворе. Знали бы парни, что у чертовой Воронцовой есть не только бассейн, но и собственное озеро! Красивое такое, с каменными тропинками и навесными мостиками. Не удивлюсь, если где-то там плавают лебеди и по ночам распускаются лотосы.

Я останавливаюсь рядом с несколькими машинам премиум-класса и немного медлю. Надо мной возвышается двухэтажный светлый дом с высокими окнами и красивым открытым балконом. Не удивлюсь, если в гостиной у них играет живая музыка, а на завтрак подают блюда молекулярной кухни. Идея заявиться к Воронцовой больше не кажется удачной. Но я уже на месте, так что нет смысла сидеть и сожалеть. Выхожу из машины и открываю багажник, чтобы взять букет и конфеты. Слышу громкий топот за спиной, хотя мгновение назад поблизости точно никого не было.

– Стоять! – кричит женский голос, а потом что-то прыгает на меня сзади.

Резкий толчок. От неожиданности я роняю все, что держал в руках, и падаю на землю. Ауч! Что-то с силой давит мне на спину.

– Плохой! Плохой мальчик! – надрывается женщина, при-

ближаясь ко мне. Из моего положения видны только носки ее темных туфель.

С трудом переворачиваюсь на спину и оказываюсь прижат к земле мощным собачьим телом. Огромная мохнатая голова склоняется надо мной и бессовестно обнюхивает, пока я пытаюсь сдвинуть упирающиеся в грудь лапы и полноценно вдохнуть. Но тут это пушистое чудовище начинает меня лизать.

– Дин! А ну иди сюда! – командует женщина, но Дин не двигается и продолжает меня слюнявить. – Ох, Сэм, живо брось пакет!

Я так поражен, что больше не сопротивляюсь и не удивляюсь, что кроме Дина где-то рядом орудует еще и Сэм. Последний, видимо, запустил свою любопытную морду в пакет с шоколадным тортом. Убеждаюсь в этом через секунду, когда Сэм тычет своим мокрым носом мне в ухо, а потом пачкает мне волосы на виске, старательно обнюхивая. Я смиренно лежу на траве, по уши перемазанный шоколадным кремом, и жду, когда этот кошмар закончится. К моему счастью, добрая женщина, суетящаяся рядом, отгоняет Сэма. Да и Дина постепенно отпускает приступ собачьей любви, и он, напоследок лизнув меня от подбородка до самого лба, спрыгивает с моего бренного истоптанного тела и убегает.

– Как неловко получилось, – лепечет женщина, помогая мне подняться. – Меня зовут Ирина Борисовна, я помощница Павла Ивановича. Вызвалась погулять с собаками. Вы уж

простите. Просто мальчики у нас очень дружелюбные и любят гостей, но иногда ведут себя не совсем прилично.

– Ничего страшного, – сдавленно произношу я, потирая грудную клетку. – Очень милые… эм… собачки. Меня зовут Никита, приятно познакомиться, Ирина Борисовна.

– Вот ваши вещи, – она неловко протягивает мне разорванный пакет с поеденным тортом и букет некогда нежно-розовых пионов. – Они немного пострадали, но выглядят все так же неплохо!

Скептически осматриваю то, что осталось от моего примирительного презента, и тяжело вздыхаю. Закидываю все обратно в багажник.

– Я выгляжу так же, как эти потрепанные пионы? – не уверен, что хочу знать ответ, но все же задаю этот вопрос.

– Нууу, – тянет Ирина Борисовна, добродушно отряхивая мою рубашку, – не все так печально.

– От меня теперь еще и воняет. Дин облизал меня с ног до головы, словно я чупа-чупс XXL.

– Он дружелюбный мальчик, – извиняющимся тоном повторяет она. – Давайте провожу вас в уборную? Там сможете освежиться и привести себя в порядок.

– Да, буду благодарен. Хотя, может, в таком виде получится на жалость надавить?

– Смотря кому, – с улыбкой пожимает плечами Ирина Борисовна. – И смотря с какой целью вы приехали, Никита.

– Просить руки Воронцовой у ее деда. Она от меня без

ума, вот решил не мучить девушку и сказать, что я, так уж и быть, согласен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.